

Ширли Карр

Чего хочет граф

Братъя Синклер

Ширли Карр

Чего хочет граф

2005

Карр Ш.

Чего хочет граф / Ш. Карр — 2005 — (Братья Синклер)

Над Бенджамином Синклером посмеиваются друзья и приятели, называя графом-свахой. Все его лакеи и горничные умудрились пережениться и оставить службу! Остается надеяться только на верность нового секретаря – скромного юноши, слишком молодого для вступления в брак. Но и тот сумел удивить добросердечного графа. И не просто удивить, а поразить! Ведь под маской безусого юнца скрывалась... прелестная Джозефина Куинси, девушка, отчаявшаяся найти подходящую работу. Что же испытает Синклер, когда обнаружит обман? Возмущение? Недоумение? А может – любовь, которая опалит пламенем страсти его одинокую жизнь?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ширли Карр

Чего хочет граф

Глава 1

Лондон

Март 1816

– Это не моя работа! – кричала женщина в холле.

– И не моя, – отвечал мужчина (тотчас же послышались и другие голоса, звучавшие все громче).

Бенджамин, граф Синклер, невольно поморщившись, чуть приподнялся в своем кожаном кресле и пристально посмотрел на молодого человека, сидевшего за столом напротив него. Тот же с невозмутимым видом выдержал взгляд графа – казалось, его ничуть не тревожили доносившиеся из холла вопли. Синклер уже собрался встать, чтобы утихомирить слуг, но тут вдруг воцарилась тишина.

– Почему же вы считаете, что я должен нанять вас, мистер Куинси? – Синклер откинулся на спинку кресла. Проклятие! Теперь он ничего не видел из-за стопок папок и бумаг, загромадивших стол. Выпрямившись, граф снова посмотрел на молодого человека.

– Сегодня утром я уже разговаривал с пятью другими секретарями, мистер Куинси, и каждый из них имел больше опыта, чем вы. Сомневаюсь даже, что вы уже начали бриться.

Куинси пожал плечами:

– Разве бритье – необходимое условие для этой должности?

Синклер в растерянности заморгал, потом вдруг нахмурился. Водрузив ноги в сапогах на угол стола и скинув при этом на пол стопку бумаг, он вперился взглядом в сидевшего напротив молодого человека.

– Что касается бритья, то это я еще не решил, мистер Куинси, – проворчал граф.

Из холла снова донеслись крики, и оба посмотрели на дверь. Однако на сей раз крики сразу же стихли, и Синклер вернулся к делу. Взяв лист бумаги из стопки на столе, он проговорил:

– Поскольку до этого у вас был всего один наниматель, и вы говорите, что барон... – он взглянул на подпись внизу листа, – Брадуэлл недавно умер, я даже не могу проверить ваши рекомендации. Откуда мне знать, что это не фальшивка?

– Полагаю, вам придется поверить мне на слово. – Куинси поправил на носу очки, скрывавшие выражение его серых глаз (или они были зеленые?).

Синклер окинул взглядом юношу. Хотя на нем был изрядно поношенный сюртук, а манжеты рубашки обтрепались, разворот его плеч говорил об уверенности в себе, а линия подбородка свидетельствовала о гордости. Возможно, Куинси отчаянно нуждался в заработке, но унижаться и умолять, чтобы его взяли на это место, он не стал бы.

Тут опять послышались громкие крики, и Синклер подумал: «Что там происходит? Почему старшие слуги не могут навести порядок?»

Граф убрал со стола ноги и поднялся с кресла. Затем подошел к двери и, рывком распахнув ее, осведомился:

– Что за шум?

Слуги, собравшиеся в холле, тут же умолкли и замерли на мгновение. Потом, молча переглядываясь, начали расходиться.

«Господи, мне было гораздо спокойнее, когда мы стояли лагерем всего в миле от армии Бонапарта», – со вздохом подумал Синклер. Немного помедлив, он вернулся в свое кресло и снова водрузил ноги на стол.

– Так почему же я должен нанять вас, Куинси? Приведите мне хотя бы один убедительный довод. Всего один.

Куинси кивнул на дверь:

– Я могу привести в порядок ваши бумаги, чтобы вы освободились и смогли заняться своими домашними делами.

Синклер покачал головой:

– Это мог бы сделать любой из тех, с кем я беседовал сегодня утром. Почему же я должен нанять именно вас?

Куинси снова поправил на носу очки.

– Я сумею подделать вашу подпись. Синклер с грохотом опустил ноги на пол.

– Неужели?!

Молодой человек все с тем же невозмутимым видом продолжал:

– Разумеется, вы могли бы контролировать мою деятельность, чтобы не сомневаться в том, что я действую в ваших интересах.

Синклер криво усмехнулся:

– Я мог бы отправить вас в Ньюгейтскую тюрьму.

– Могли бы, но это было бы весьма неразумно, не так ли, милорд? – Куинси указал на гору корреспонденции, возвышавшуюся между ними на столе. – Находясь в тюрьме, я не смогу избавить вас от этой скучной бумажной работы. Вам бы лучше сейчас заниматься хозяйством или посещать балы, верно?

– Да, возможно, – пробурчал Синклер.

Поднявшись с кресла, он переступил через лежавшую на полу кучу бумаг и направился к столику красного дерева, на котором стоял серебряный чайный сервиз.

Молодой человек провел пальцем в перчатке по пыльной поверхности стола и с ухмылкой заметил:

– Но полагаю, что в первую очередь вам следовало бы найти другую горничную, милорд.

Заинтригованный дерзостью юноши, граф внимательно на него посмотрел, затем, вернувшись к столу, вытащил из стопки одну из бумаг.

– Вот приглашение, которое я не хочу принимать. Посмотрим, как вы справитесь с этим. Сумеете?

– Разумеется, милорд. – Куинси взял приглашение и прочел его. Потом придвинул к себе чернильницу с пером. Минуту спустя он протянул графу аккуратно написанное письмо с его, Синклера, подписью внизу.

Изучив записку, граф одобрительно кивнул:

– Что ж, весьма дипломатичный отказ. Так случилось, что у меня назначена другая встреча на этот вечер. Но само письмо написано другим почерком, нежели подпись.

– Да, разумеется. Мой почерк, ваша подпись. Ваша собственная мать не могла бы сказать, что это не ваша рука.

– Будь я проклят, если ты не прав, – пробормотал Синклер.

В этот момент часы пробили час, и граф нахмурился. Опять опоздал!.. Снова взглянув на юношу, он ненадолго задумался, потом сказал:

– Мне кажется, вы очень наблюдательны, мистер Куинси. Давайте посмотрим, что вы сможете сделать к моему возвращению с этим беспорядком на столе.

Через несколько минут граф Синклер вышел из дома, оставив юного мистера Куинси разбирать горы писем и всевозможных бумаг. Ему хотелось остаться с молодым человеком, чтобы кое-что объяснить ему, однако он удовлетворился тем, что оставил у дверей библиотеки

одного из слуг. Пусть парень либо утонет, либо выплывет. Впрочем, даже после недолгого разговора Синклер готов был держать пари на свой годовой доход, что Куинси – прекрасный пловец.

Вскоре граф уже забыл о своем новом секретаре – пешая прогулка, даже с тростью, требовала от него предельной концентрации. Что же касается трости черного дерева, то она была отнюдь не данью моде, и он уже успел возненавидеть ее, хотя не так давно избавился от костылей. Теперь он почти каждый день совершал прогулки пешком, заканчивавшиеся уроком фехтования у Генри Анджело. И его очень огорчало, что он еще не мог боксировать с Джентльменом Джексонсом. В последний раз, когда Синклер тренировался в зале, он слишком медленно передвигался, поэтому пропускал слишком много ударов. Разумеется, для него это никакого значения не имело, пока его мать не увидела синяки. Ради нее он согласился на время отказаться от своего увлечения.

Но он мог неплохо управляться с рапирой. На каждом занятии с Анджело Синклер заставлял себя делать на один выпад больше, чем в прошлый раз, хотя ноги ужасно болели при этом.

Однако сегодня он решил отказаться от фехтования, чтобы пораньше вернуться домой и проверить успехи мистера Куинси. После встречи со стряпчим Синклер направился напрямик домой, собираясь сразу же пройти в библиотеку. Но его планы изменились, когда дворецкий сообщил, что мать хочет с ним поговорить и ждет его в гостиной. Впрочем, граф все же успел убедиться, что слуга по-прежнему дежурил у входа в библиотеку, а Куинси все еще разбирал бумаги.

Несколько часов спустя граф открыл дверь библиотеки, ожидая увидеть своего нового секретаря за письменным столом. Прошло три недели с тех пор, как его прежний секретарь женился на горничной и отплыл в Америку, а у Синклера были более важные дела, чем работа с бумагами, – например, заново научиться ходить.

Но секретаря нигде не было видно.

А вот поверхность массивного письменного стола Синклера была видна – впервые за несколько недель. Бумаги были сложены в аккуратные стопки, а гроссбухи убраны. Даже грязный чайный сервиз исчез, уступив место вазе со свежими нарциссами. Наконец он заметил Куинси – тот, взобравшись на стремянку, расставлял по полкам книги.

– Очень хорошо, – произнес Синклер. Куинси прыгнул на пол.

– Милорд! – воскликнул он, хватаясь за очки, лежавшие на нижней полке. – Я не ждал вас так рано. – Он надел очки и стал раскатывать рукава рубашки.

Синклер сел за стол и посмотрел на аккуратные стопки бумаг:

– О чем тут речь?

Куинси надел сюртук и, застегивая на ходу пуговицы, подошел к графу.

– Вот это приглашения, которые вам следует принять. Эти я отклонил от вашего имени. Это корреспонденция от ваших управляющих – я полагаю, она требует вашего личного внимания. А вот счета, которые вы...

– Достаточно! Господи, не могу поверить, что вы сделали все это за то время, что я отсутствовал. У вас что, джинн в кармане?

– Если бы он у меня имелся, милорд, я бы не искал место. – Куинси поправил на носу очки. – Вас все удовлетворяет?

– Да, все замечательно, – ответил Синклер, водрузив ноги на угол стола. Графу вдруг пришло в голову, что провидение послало ему именно того, кто требовался, – во всяком случае, этот молодой человек сумел привести в порядок его библиотеку, и даже тапочки и скомканные чулки исчезли из-под кресла перед камином.

Заметив, что сюртук Куинси, хотя и чистый, был заштопан на локте, граф подумал, что провидение, возможно, позаботилось и о молодом человеке, так как тот явно нуждался в хорошо оплачиваемой работе.

Тут раздался стук в дверь, и в комнату заглянула миссис Хаммонд:

– Вам еще что-нибудь нужно, мистер Куи... О, милорд, я не знала, что вы уже вернулись.

Синклер взглянул на экономку:

– Нет, миссис Хаммонд, мистеру Куинси больше ничего не нужно. Однако вы можете задать ему этот вопрос завтра.

– Да, милорд, спасибо. – Миссис Хаммонд подмигнула Куинси, прежде чем присесть в реверансе и удалиться.

– Полагаю, завтра в девять утра вам подходит? – спросил Синклер, поднимаясь, чтобы пожать руку своему новому секретарю.

– Да, милорд. Однако мне понадобится выходной по воскресеньям и каждую вторую субботу. И еще мне нужен аванс. Половина жалованья за первые три месяца.

Синклер с удивлением взглянул на молодого человека:

– Зачем вам?..

– Чтобы заплатить моей квартирной хозяйке. Она очень строга в отношении арендной платы, а я, похоже, уже опоздал с платежом.

– Вы можете жить у меня. В комнате на третьем этаже. Я pošлю слугу, чтобы помочь вам перевезти ваши вещи.

– Благодарю вас, но нет. – Куинси снова поправил свои очки.

– Но почему? Это было бы очень удобно. К тому же вы сэкономили бы.

– Удобно для вас, но не для меня. Могу ли я получить аванс сейчас? Меня устроят десять шиллингов.

– Какой дерзкий юнец, – пробормотал Синклер, открывая средний ящик стола в поисках шкатулки с деньгами. Взглянув на Куинси, спросил: – Вы наведи порядок и во всех ящиках?

– Да, разумеется.

Синклер поднял крышку незапертой шкатулки и уставился на лежавшие в ней деньги.

– Полагаете, я мог бы? – Куинси тихо вздохнул. – Список соискателей из агентства по найму лежит сверху в левом ящике. Предлагаю вам еще раз встретиться с некоторыми из них. Всего хорошего, милорд. – Нахлобучив шляпу, он направился к двери.

– Куда вы?

Куинси остановился и медленно обернулся.

– Хотите, чтобы я вывернул карманы?

– Нет, – ответил Синклер. – Не думаю, что в этом есть необходимость.

– Вот и хорошо. Я бы не сделал этого, даже если бы вы попросили.

Синклер попытался скрыть улыбку.

– Я так и думал. Но я все еще не знаю, почему вы уходите.

Молодой человек снова вздохнул.

– Я понимаю, что требуется время, чтобы завоевать уважение и доверие. Но я не стану работать на того, кто с самого начала не доверяет мне. Всего хорошего, милорд.

– Подождите! – Синклер, прихрамывая, пересек комнату и преградил юноше дорогу. Похлопав его по плечу, сказал: – Я решил, что мне нравится ваша дерзость. Я хочу, чтобы вы остались.

– Нет. – Куинси просиял. – По крайней мере, не сегодня. Но утром я вернусь.

– Прекрасно. Возьмите десять шиллингов и заплатите своей квартирной хозяйке, а потом зайдите к моему портному.

– К вашему портному, милорд? – Куинси вспыхнул и в смущении пробормотал: – Если вы не против, у меня уже есть... м-м... портной. Правда, я давно не посещал... его.

– Как пожелаете. Только замените ваш сюртук – его уже пора отдать старьевщику. – Синклер отступил на шаг и окинул юношу взглядом. – Господи, дружище, да ваш прежний хозяин был, похоже, ужасным скрягой. Когда вы в последний раз покупали ботинки? Или вы, быть может, хорошо питались? Весьма сомнительно.

Юноша молчал, и граф продолжал: – Сходите к своему портному, если вам так больше нравится, но завтра по дороге сюда не забудьте зайти к моему сапожнику. – Он написал адрес на обратной стороне визитной карточки и протянул ее Куинси.

– С-спасибо, милорд. – Молодой человек поклонился и поспешно вышел из комнаты.

– Харпер! – крикнул Синклер, когда захлопнулась входная дверь.

Дворецкий вошел в библиотеку.

– Слушаю, милорд.

– Поздравь меня. Я заполнил половину вакансий в нашем штате.

– Полагаю, это требует тоста, милорд. Означает ли это, что вы вскоре начнете опрашивать горничных?

– Да, бренди прекрасно подойдет. А насчет горничных – нет. Пока что нет. Не думаю, что беседы с горничными будут столь же интересны, как беседа с мистером Куинси.

Дворецкий кивнул:

– Как пожелаете, милорд.

Куинси шел домой в сгущавшихся сумерках, поеживаясь от пронизывающего мартовского ветра и дождя. По дороге он зашел купить ткани для сюртука, брюк, и двух рубашек, к тому же выбрал отрез узорчатого муслина. Затем он еще несколько раз останавливался, чтобы купить картофель, сыр и баранью ногу.

Едва Куинси переступил порог квартиры на третьем этаже, как молоденькая брюнетка с косичками выхватила из его рук один из свертков.

– У тебя есть работа! У тебя есть работа! – восклицала девушка. Подхватив Куинси под руку, она закружилась с ним по комнате, так что ее юбки взметнулись в танце.

– Да, Мелинда, теперь у меня есть место. Перестань же, наконец, танцевать, пока снова не начала кашлять. Ох, даже у меня голова закружилась. А моя работа – это и для тебя занятие. Граф не желает видеть меня в лохмотьях. Ты сможешь закончить сюртук к утру, если я помогу тебе? – Куинси положил на стол рулон темно-синей шерсти.

– Если ты поможешь? Но ты же...

– Джо, это ты? – раздался голос из соседней комнаты.

– Да, бабушка.

– Иди сюда, дитя мое. Я жду тебя целый день.

Куинси и Мелинда переглянулись, после чего Куинси направился в соседнюю комнату.

– Садись рядом со мной и расскажи мне все, – сказала пожилая женщина, сидевшая на кровати.

– Я знала, что работа секретарем у папы однажды поможет тебе разрешить наши трудности, – сказала Мелинда; она тоже вошла в комнату и положила свертки на стол.

– Лорд Синклер именно такой, как мы думали? – спросила бабушка, усаживая Куинси рядом с собой.

– Да, и вы были абсолютно правы. Похоже, моя дерзость понравилась ему больше, чем мне.

Бабушка рассмеялась:

– Я знала, что это на него подействует. Он ненавидит лягушатников почти так же, как когда-то ненавидел его дед. Да, вот этот мужчина действительно ценил красивые ножки! Мне все-таки хотелось бы найти какой-нибудь другой выход, но все же я рада, что вышло именно так, как мы задумали. А может, он что-нибудь заподозрил?

– Нет, уверена, что нет, – ответила Джозефина. Бабушка привлекла внучку к себе и обняла.

– Умница, хорошая девочка.

Глава 2

– Великолепно, мистер Куинси, великолепно! – воскликнул Синклер на следующее утро. Убрав нога с письменного стола, он поднялся с кресла, чтобы лучше рассмотреть своего нового секретаря.

– Извините, что опоздал, милорд, но ваш сапожник...

– Помолчите, мистер Куинси. – Синклер отступил на шаг и снова окинул взглядом юного секретаря. – Дружище, ваш портной прекрасно поработал!

– С-спасибо, милорд. Сапожник настоял, чтобы я записал эти сапоги на ваш счет, но они ужасно дорогие, и я...

– Я сказал: помолчите. – Граф приподнял двумя пальцами штанину молодого человека, чтобы как следует рассмотреть крепкие черные сапоги, и Куинси покраснел до корней волос. – Да-да, они именно такие, какие вы должны носить, если работаете на меня. Если же чувствуете вину за такие расходы, можете взять вон ту стопку счетов и убедиться, что никто меня не обманывает.

Граф подождал, когда Куинси усядется за стол, затем протянул ему бухгалтерские книги:

– Начните с этих хозяйственных расходов, а потом мы перейдем к другим счетам.

– Да, милорд.

В этот момент дверь библиотеки отворилась, и в комнату вошла экономка с подносом в руках – она принесла чай и хлебцы с джемом.

– Доброе утро, милорд. Доброе утро, мистер Куинси.

Синклер с удивлением уставился на миссис Хаммонд. Он не мог припомнить, чтобы в последнее время она лично приносила ему чай (а сейчас за ней даже не посылали).

Заметив, что Куинси улыбнулся экономке, граф с усмешкой проговорил:

– Вы намерены очаровать всех моих людей, дружище?

Секретарь проводил взглядом экономку, выходящую из комнаты, и, сделав глоток чая, ответил:-

– Экономки – ценные союзники, милорд. Впрочем, горничные – тоже.

Синклер рассмеялся:

– Только не сбегайте, женившись на горничной.

– А вы еще не нашли ей замену? Если хотите, я мог бы заняться этим. Или предоставите выбор Харперу или миссис Хаммонд?

– Предоставить вам право нанимать молоденькую горничную? Нет, пусть лучше этим займется экономка.

Внимательно посмотрев на секретаря, граф отметил, что у юноши необыкновенно нежная и гладкая кожа.

– Скажите, Куинси, сколько, вам лет? У вас нет даже намека на усы.

– Девятнадцать, милорд. Но мы, кажется, уже установили, что бритье не является обязательным условием для того, чтобы занимать эту должность. А сколько вам лет?

Синклер невольно улыбнулся:

– Я слишком стар для человека моих лет. Что ж, продолжайте, мистер Куинси. Допив чай, граф взял шляпу, перчатки и трость и отправился на прогулку.

Тихонько вздохнув, Джозефина прошептала:

– Все в порядке. Все в полном порядке. Лорд Синклер ничего не подозревает. А уж...

– Она могла перевязать грудь и сунуть в брюки свернутый носок, но ей никак не удалось бы убедить графа, что у нее растут усы.

Впрочем, Синклер и так ничего не заподозрил. Значит, у нее все получится. Во всяком случае, пока что все прекрасно. Сделав несколько глубоких вдохов, она убрала в карман очки и принялась за работу.

Вскоре цифры в бухгалтерских книгах поплыли у Джозефины перед глазами. Почерк бывшего секретаря графа оказался еще хуже, чем у ее отца, а бухгалтерских отчетов было множество. К тому же у нее почему-то выходили совсем не те цифры, что у Джонсона. Со вздохом отбросив карандаш, она пробормотала:

– Граф уволит меня в первый же день. Господи, что скажет бабушка?

Снова водрузив на нос очки, она вышла в холл. Увидев дворецкого, спросила:

– Мистер Харпер, вы не против, если я пошлю одного из слуг с поручением? Но ему может потребоваться некоторое время, чтобы найти то, что мне нужно.

– Даже не знаю, кто вам лучше подойдет, – пожав плечами, ответил дворецкий. – Может, Томпсон? Он должен находиться у верхней площадки лестницы, но мы обычно находим его рядом с теми комнатами, где убираются горничные.

– Харпер, я настаиваю, чтобы вы сделали что-то с этим фигляром наверху! – Перед ними появился невысокий мужчина с целой охапкой мятых галстуков в руках. – Он постоянно там, где служанки.

Дворецкий кивнул:

– Да-да, я только что об этом говорил. Кстати, мистер Куинси, вы знакомы с Бродериком, камердинером его сиятельства? Бродерик, познакомьтесь, это новый секретарь милорда.

Едва они обменялись приветствиями, как в холле появился светловолосый гигант в ливрее, следовавший за горничной к черной лестнице.

– Томпсон! – окликнул его дворецкий. – У мистера Куинси для тебя поручение!

Объяснив Томпсону, что он должен купить, девушка вернулась в библиотеку и, прислонившись к стене, вздохнула с облегчением. К счастью, и на сей раз никто ничего не заподозрил. Снова усевшись за стол, она принялась сортировать утреннюю почту. Внезапно в дверь постучали, и в комнате появилась миссис Хаммонд.

– Извините, что беспокою вас, мистер Куинси, но миледи просит вас присоединиться к ней в гостиной.

Миледи? Но чего от нее хочет мать лорда Синклера? Вновь надев очки, она вышла из библиотеки и проследовала за экономкой в гостиную. Леди Синклер, довольно изящная дама с серебряными нитями в каштановых волосах, окинула ее взглядом и, протянув руку, сказала:

– Рада с вами познакомиться, мистер Куинси. – Джозефина склонилась над рукой графини. – Пожалуйста, садитесь. Не хотите ли чаю?

– Нет, благодарю вас. – Куинси села на краешек дивана.

– Что ж, тогда сразу перейдем к делу. Как вам ваша новая должность?

«Неужели уволит?» – подумала Куинси. Стараясь не выдать своего волнения, она ответила:

– Очень нравится, миледи.

– Что ж, прекрасно. – Графиня пристально на нее посмотрела, но Джозефина выдержала ее взгляд. – Скажите, мы раньше нигде не встречались? Может, я знаю вашего отца или брата?

– Нет, миледи, не думаю. Мой брат умер при рождении, а отец умер год назад.

– Сожалею... – пробормотала графиня. Она так долго смотрела на девушку, что та в ужасе подумала: «Кажется, догадалась...»

Внезапно глаза леди Синклер расширились, но уже в следующее мгновение она улыбнулась и сказала:

– А теперь – о вашей работе. Вы занимаетесь корреспонденцией моего сына и знаете, куда его приглашают?

– Да, верно, – кивнула Джозефина.

– Очень хорошо. – Леди Синклер налила себе чашку чая и, откинувшись на диванные подушки, посмотрела в глаза Куинси.

Девушка едва удержалась от вздоха. Неужели это называется «сразу перейти к делу»?

– Вы хотите знать... что-то конкретное, миледи?

– Да. Я хотела бы, чтобы вы сообщали мне, куда моего сына приглашают, и какие приглашения он принимает. – Графиня сделала глоток чая и поставила чашку на блюдце. – Кто-нибудь говорил вам, что у вас честные глаза, мистер Куинси?

– Нет, миледи, по-моему, нет.

– И все же это так. – Понизив голос, леди Синклер продолжала: – Мне кажется, вы похожи на человека, который умеет хранить секреты.

Куинси невольно потупилась.

– Благодарю вас, миледи, но я думаю... мне следует напомнить вам, что я в первую очередь обязан хранить секреты лорда Синклера. Уверен, он не нанял бы меня, если бы не думал, что я буду действовать в его интересах.

Леди Синклер резко выпрямилась.

– Так и должно быть. Я не прошу вас ни о чем, что могло бы повредить моему сыну. Я просто волнуюсь, что... – Графиня положила ладонь на руку Куинси. – Бенджамин всегда был очень скрытным, никогда ни с кем не советовался. Но теперь он стал настоящим затворником, особенно после того, как Энтони вернулся в Оксфорд. Энтони – это мой младший сын.

Немного помолчав, леди Синклер вновь заговорила:

– Видите ли, Бенджамин сказал, что больше нет необходимости отвлекать Тони от учебы. Но я знаю, что Бенджамин еще не настолько оправился от раны... О, у него были очень серьезные ранения.

Леди Синклер снова поднесла чашку к губам.

– А после одного ужасного происшествия прошлой осенью он, наверное, решил, что никогда не женится.

– Прошлой осенью? – Стараясь скрыть свое любопытство, Куинси сделала вид, что спрашивает только из вежливости.

– Да, осенью. Бенджамин был очень рад, что сумел так быстро избавиться от костылей, и начал понемногу выходить в свет. Некоторым дамам он безумно нравился. Раненый герой... и прочее... Он влюбился в одну черноволосую девушку и, как мне кажется, собирался даже просить ее руки. Но однажды вечером он вернулся домой и перебил в этой комнате все вазы. Когда же я стала его расспрашивать, он заявил, что «ее сердце такое же черное, как ее волосы».

Куинси понимала, что надо как-то отреагировать на рассказ графини, но ей ничего не приходило в голову.

– А ведь ему все равно нужна жена, – продолжала леди Синклер. – Я знаю, что он проводит много времени в своем клубе, но там одни лишь мужчины, и я уверена, что они говорят только о политике. Так, где же он найдет себе подходящую жену?

Куинси молча пожала плечами.

– Вот почему я хочу, чтобы вы сообщали мне, куда его приглашают. Мне хочется, чтобы он посещал балы и вечера, где будут молодые знатные дамы. Я могла бы по-матерински внушать ему, что он должен принимать такие приглашения, – вы меня понимаете? И если он однажды как-то... по-особенному упомянет какую-нибудь молодую леди, вы ведь дадите мне знать, не правда ли? Тогда я постараюсь пригласить ее на чай и на один из моих званных вечеров.

Куинси нахмурилась. Синклер мог счесть это шпионством, но ей не хотелось обижать и хозяйку дома.

– Я попытаюсь выполнить вашу просьбу, – сказала она, наконец.

– Вот и прекрасно! Я знала, что могу рассчитывать на вас.

Прежде чем Куинси успела как-то отреагировать, графиня обняла ее, затем села за фортепьяно.

Теперь леди Синклер казалась... совсем другой, чем в начале их странного разговора, но Куинси не могла бы сказать, что именно в ней изменилось.

Когда Куинси возвращалась в библиотеку, из гостиной доносились звуки моцартовской сонаты.

Но о каких же ранах говорила леди Синклер? Может, она имела в виду ноги? Да-да, конечно. Она ведь упомянула про костыли. Что ж, теперь понятно, почему Синклер все время укладывал ноги на что-нибудь высокое и часто прихрамывал. Куинси одолевало любопытство, но она, конечно же, не собиралась расспрашивать графа, так как понимала, что ему не понравились бы подобные вопросы.

В холле ей встретился Томпсон, и она, взяв у него сверток, вскоре снова занялась бухгалтерскими книгами графа. Несколько часов спустя он вошел в библиотеку и почти сразу же спросил:

– Моя мать здесь не была?

– Нет, милорд. Но я ходил к ней в гостиную по ее просьбе.

– Очаровали и ее тоже, не так ли? Зачем она вас звала?

Куинси пожала плечами:

– Леди Синклер сказала, что очень рада познакомиться со мной и...

– И что же?

– И она обняла меня.

Граф с удивлением уставился на своего секретаря. Потом вдруг спросил:

– А что это у вас на столе? – Он протянул руку и щелкнул по одному из цветных шариков, нанизанных на ряды проволоки в деревянной раме.

– Это счеты. – Куинси вернула на место шарик, который граф сдвинул. – Такие были у моего прежнего хозяина, и я находил их весьма полезными. Правда, они бы лучше сочетались с обстановкой, если бы эта комната была оформлена в китайском стиле.

– В китайском? – переспросил граф с усмешкой. Усевшись в кожаное кресло, он положил ноги на стол. – Итак, отчитывайтесь. Что вы узнали за это утро о моих счетах?

– Я не хотел бы пока об этом говорить, милорд. Я нашел несколько сомнительных записей, но предпочел бы как следует их изучить, прежде чем обсуждать эту тему.

– Ну, так займитесь этим. – Граф раскрыл книгу, которую принес с собой, и погрузился в чтение.

Куинси молча кивнула. Стараясь не думать о том, что лорд Синклер сидит всего в нескольких метрах от нее, она снова склонилась над отчетами, и ей стоило немалого труда сосредоточиться на конторских книгах.

Вскоре Куинси поняла, что именно смущало ее в записях бывшего секретаря лорда Синклера. Было совершенно очевидно, что верны ее цифры, а не цифры Джонсона. Но, к сожалению, это означало, что ей придется сообщить графу не очень-то приятные для него новости.

Делая вид, что читает, Синклер наблюдал за своим секретарем и вспоминал их вчерашний разговор. Он по-прежнему был уверен, что сделал правильный выбор, но кое-что его смущало. «Каким образом ему удалось так ловко подделать мою подпись?» – думал граф. Впрочем, он был почти уверен, что новому секретарю вполне можно доверять.

В очередной раз, взглянув на секретаря, сидевшего за столом, Синклер вдруг заметил, что ноги юноши едва доставали до пола; к тому же он казался слишком уж хрупким – даже для своего маленького роста. Пытаясь разобрать ужасные каракули Джонсона, Куинси то и дело щурился. Наконец его лицо прояснилось, словно он нашел ключ к какому-то тайному шифру, и он даже начал что-то напевать себе под нос и болтать под столом ногами – теперь Куинси очень

походил на ребенка, притворяющегося взрослым. Однако интеллект этого молодого человека был совсем не детским, в чем Синклер убедился, скрестив с ним накануне словесные шпаги.

Решив, что пора произвести небольшую «разведку», Синклер убрал со стола ноги и, подавшись вперед, проговорил:

– Мистер Куинси, разрешите задать вам один вопрос.

Юноша вздрогнул от неожиданности и поднял голову.

– Слушаю вас, милорд.

– Расскажите мне, как вы научились подделывать подписи.

Куинси нахмурился и отложил карандаш. Потом, скрестив на груди руки, осведомился:

– Вы передумали насчет Ньюгейта?

– Нет-нет, не беспокойтесь. Я спрашиваю об этом просто из любопытства.

– Это произошло случайно, – ответил юноша. – Видите ли, мой... бывший хозяин долгое время болел. У него сильно дрожали руки, и ему было трудно писать. Поэтому я однажды попытался скопировать его подпись на одном из писем. А через несколько дней он уже не мог отличить мою подпись от своей.

– Вы делали это с его позволения?

– Разумеется. – Юноша, судя по всему, был оскорблен таким вопросом. – Барон Брадуэлл не хотел, чтобы его знакомые узнали, как далеко зашла болезнь.

– Не хотел из гордости, не так ли?

Юноша пожал плечами:

– Да, пожалуй. Но разве мы не все такие?

Синклер не ответил. Какое-то время он рассматривал свои ногти, потом вдруг сказал:

– Что-то я не припомню, чтобы я давал вам разрешение научиться подделывать *мою* подпись. Кстати, где вы ее видели? Вы ведь видели ее прежде, верно?

Куинси опустил глаза.

– Мне очень нужна была эта работа. А записки... торговцам, например, не так уж трудно перехватить.

Синклер нахмурился:

– Вы украли записку у кого-то из моих слуг?

– Позаимствовал. Но я потом сам доставил ее адресату, – добавил юноша.

Граф по-прежнему хмурился.

– Скажите, ведь агентство по найму не присылало вас ко мне, верно?

В этот момент в дверь постучали, и тотчас же вошел Харпер.

– Прошу прощения, милорд, но леди Синклер хочет видеть вас, – сказал дворецкий.

Синклер встал.

– Мы закончим наш разговор позже, мистер Куинси. – Он повернулся к дворецкому: – Где она? В гостиной?

– Нет, у себя в спальне.

– В спальне? – с удивлением переспросил граф.

– Да, милорд, – кивнул Харпер.

Бросив последний взгляд на Куинси, граф вышел из комнаты и направился к матери.

Ханна, горничная леди Синклер, открыла дверь еще до того, как он успел постучать.

– Это чудо, милорд, – прошептала она, – настоящее чудо!..

Граф переступил порог и замер в изумлении. Мать по-девичьи вертелась перед зеркалом, и ее юбки развевались. Ее желтые юбки. Не черные, не серые и даже не лавандовые. Желтые, как солнце. Такой цвет она уже давно не носила.

– Почему ты так смотришь на меня? Что-то не так в моей внешности? – осведомилась леди Синклер. – Твой отец говорил, что это платье очень идет мне.

- Да, очень, но...
- Ты ведь уже не раз просил меня снять мой вдовый наряд, – сказала графиня с улыбкой.
- А теперь, когда я наконец-то решила это сделать, ты не можешь и двух слов связать?
- Она прищелкнула языком и повернулась к горничной:
- Ханна, наверное, я надена синее. А то все онемеют от изумления, если я надена ярко-желтое на сегодняшний вечер у леди Фицуотер.
- Да, миледи, – кивнула горничная.
- Леди Синклер снова повернулась к сыну:
- Скажи, Бенджамин, на какой бал ты повезешь меня завтра?
- На бал? – Он судорожно сглотнул.
- Ты ведь не забыл о нашем соглашении? Ты обещал посещать балы – да-да, я знаю, что ты еще не можешь танцевать, – и присматривать себе жену. А я обещала танцевать... по крайней мере, с одним джентльменом на каждом балу. Ты уже подобрал мне кого-то? Как его зовут?

Синклер со вздохом опустился на стул. Мать внимательно посмотрела на него – и вдруг рассмеялась. Не удержавшись, Синклер тоже засмеялся; он уже давно не слышал смеха матери и теперь не только изумился, но и искренне обрадовался.

После самоубийства отца Бенджамин очень боялся за мать – ему казалось, что она может не выдержать горя и унижения. Лишь прошлой осенью, по его просьбе, она сняла глубокий траур. Он не испытывал ни малейших угрызений совести, когда сказал ей, что ее черное платье заставляет его чувствовать приближение собственной смерти.

Он сказал это в шутку, но быстро понял, что нашел способ возродить мать к жизни, заставить ее отказаться от уединения и вновь выходить в свет. Отсюда и их договоренность. Однако сегодня она впервые согласилась выполнить условие – собралась отправиться на бал, так что теперь ему следовало просмотреть все приглашения и подобрать что-нибудь подходящее.

– Ну, так как же, Бенджамин? Куда мы поедем? Он встал и поцеловал мать в щеку.

– Это сюрприз, мама.

Графиня фыркнула:

– Полагаю, ты еще сам не знаешь, куда мы поедем. Почему бы тебе не попросить твоего нового секретаря просмотреть почту и выбрать что-нибудь?

– Попросить выбрать мистера Куинси?

– Да, мистера Куинси. Мы сегодня с ним очень мило поболтали. Очаровательный молодой человек. Мне он нравится гораздо больше Джонсона.

– Во всяком случае, от него не пахнет потом, как от Джонсона.

Леди Синклер улыбнулась:

– Думаю, ты сделал правильный выбор, Бенджамин.

Юнец, подделывающий подписи, очень мило поболтал с графиней Синклер... и совершенно очаровал ее. При этой мысли лорд Синклер едва не рассмеялся.

Тут мать взяла его за плечи и развернула в сторону двери.

– А теперь, мой милый, убирайся! Я должна подготовиться к вечеринке у Фитци.

– Да, мама, конечно. – Граф еще раз поцеловал мать в щеку и отправился обратно в библиотеку.

Спускаясь по лестнице, он обдумывал их разговор, и внезапные перемены в матери. Полные живости движения, блеск в глазах – именно такой она была когда-то. А ведь сегодня за завтраком мать была такой, как обычно, – то есть такой, какой стала после смерти отца. К тому же она не выходила из дома, и к ней никто не приходил. Так почему же она... Неужели на нее так повлиял разговор с Куинси?

Он вспомнил слова матери: «Очаровательный молодой человек».

Неужели Куинси удалось очаровать его мать и рассеять ее уныние? За один день? А ведь он, Бенджамин, пытался сделать это годами... Да-да, годами!

Лорд Синклер вошел в библиотеку и уселся на диван. Взяв последний отчет стряпчего, он опять сделал вид, что читает, сам же принялся разглядывать своего нового секретаря. Граф собирался продолжить их беседу, но сначала ему хотелось подумать о разговоре с матерью.

Юноша же, поглощенный своей работой, встал из-за стола и, опустившись на колени, принялся раскладывать на полу бумаги и стопки grossбухов. В какой-то момент фалды его сюртука разошлись в стороны, и Синклер заметил, что на Куинси были и новые брюки. Что ж, портной прекрасно поработал, быстро управился, но...

Но что-то было не так.

Тут Куинси наклонился вперед, чтобы положить в дальнюю стопку лист бумаги, и его брюки сильно натянулись сзади. Обычно граф не обращал внимания на одежду мужчин, если только не хотел убедиться, что его собственный наряд соответствует ситуации. Но сейчас он не мог оторвать взгляд от Куинси.

Да-да, что-то было не так, потому что...

В следующее мгновение Синклер понял, что его смущало – ведь он не был монахом. Да, сомнений быть не могло: мистер Куинси оказался женщиной.

Поднявшись с дивана, граф присел рядом с Куинси. Когда она откладывала в стопку очередной листок, он схватил ее за руку:

– Черт возьми, что вы тут делаете, мисс Куинси?

Глава 3

Девушка тихонько вскрикнула. Затем повернула голову – и словно окаменела.

– Спрашиваю еще раз. Что вы тут делаете, мисс Куинси?

Джозефина взглянула на свое запястье, все еще крепко сжатое рукой Синклера, и проговорила:

– Я делаю именно то, для чего вы меня наняли, милорд.

– Но я нанимал...

– Вы наняли секретаря, правда? – Сейчас она говорила с ним так, как разговаривают с ребенком – причем с ребенком, не слишком сообразительным. – Вот я и выполняю обязанности вашего секретаря. Что же вас не устраивает?

– Что меня не устраивает? – в растерянности переспросил граф, пытаясь собраться с мыслями. – И она еще спрашивает, – пробурчал он, обращаясь к камину.

– Полагаю, вы сами не знаете, что вам не нравится, – с невозмутимым видом продолжала Куинси.

«А у нее, оказывается, крепкие нервы», – подумал Синклер.

– Для начала объясните, почему вы солгали мне.

– Солгала? Все, что я сказала вам, – чистейшая правда.

– А то, что вы – мистер Куинси?

– Я никогда не называла себя «мистером».

Не в силах вымолвить ни слова, Синклер молча таращился на девушку.

– Я сказала, что мое имя Джо Куинси. В данном случае Джо – это Джозефина, а не Джозеф. Но я не утверждала, что я мужчина.

– Но вы... вы не потрудились исправить мое неверное представление о вас. – Граф окинул девушку взглядом. – Я ошибся, потому что у вас короткие волосы. – Синклер коснулся пальцем шелковистой пряди у нее за ухом. – И отсутствует грудь, – добавил он, чуть оттопырив край ее жилета.

Куинси залилась румянцем и, потупившись, пробормотала:

– Так мужская одежда лучше сидит. – Она судорожно сглотнула и еще гуще покраснела.

– А мужской костюм – самый подходящий для секретаря. – Многозначительно посмотрев на свое запястье, она спросила: – Вы собираетесь держать меня весь день?

Он тут же отпустил ее и невольно поморщился, заметив на руке девушки красные отметины от своих пальцев. Граф ожидал, что Куинси встанет и уйдет, но она, поправив на носу очки, уселась на бумаги, разложенные на полу. Превозмогая боль в ноге, Синклер тоже сел.

– И что же теперь?... – Она по-прежнему была невозмутима.

Проклятие! Похоже, он волнуется больше, чем она. А впрочем, ничего удивительного. Ведь это он ошеломлен... А она, наверное, понимала, что ее могут разоблачить, потому и готовилась заранее.

Куинси сцепила дрожащие пальцы – первый признак нервозности, который он заметил. Что ж, может быть, ему, в конце концов, удалось взволновать ее.

– Спрашиваете, что теперь? Теперь вы собираете ваши вещи, мисс, и уходите. До того, как я пошлю за полицией.

Она пожала плечами и тяжело вздохнула, очевидно, признавая свое поражение.

– Хорошо, милорд. – Ее щеки вдруг снова вспыхнули. – Но, видите ли, я уже потратила весь аванс. Поэтому вам придется подождать, когда я найду другое место и смогу вернуть вам деньги. С вычетом оплаты за сегодняшнюю и вчерашнюю работу, разумеется.

– За работу? – Он искренне удивился. – Мне кажется, вы ничего особенного не сделали.

– Ошибаетесь, милорд. Я как раз собиралась сказать вам, что я обнаружила. Помните те неверные записи, о которых я упоминала? Так вот, я поняла, в чем дело. В данный момент мы сидим на доказательствах...

– Доказательствах чего? – перебил граф.

– Ведь Джонсон, ваш бывший секретарь, вел все ваши счета, верно?

– Да. И что же?

– Он обворовывал вас.

Синклер едва не задохнулся от гнева.

– Обворовывал?! Докажите! Вы можете это доказать?!

Куинси кивнула:

– Да, разумеется. Вот один из примеров. – Она взяла из ближайшей стопки верхний лист и раскрыла гроссбух. – Видите эту квитанцию на бренди? Месье Бове доставил два ящика, но в книге записана оплата за четыре.

– Может, Бове просто доставил два лишних ящика?

– Нет никакой расписки, указывающей на это. Как долго Харпер служит у вас? Ему можно доверять?

– Он служит у нас много лет. Я помню его с детства. Да, разумеется, ему можно доверять.

– Синклер с трудом поднялся на ноги. – Но я полагал, что и Джонсону можно доверять. Если вы правы, то неудивительно, что он и его жена так торопились уехать в Америку.

Куинси тоже встала.

– Они уже покинули Англию?

Синклер пристально посмотрел на девушку:

– Какой суммы не хватает? Ведь это всего лишь мелкая кража. – Он кивнул на расписку в ее руке.

– Милорд, это далеко не единственная кража. Ваш бывший секретарь постоянно вас обворовывал, но присваивал мелкие суммы, чтобы вы ничего не заподозрили.

– Проклятие! – Синклер бросился к двери и рывком распахнул ее. – Харпер, я хочу, чтобы проверили...

– Милорд, подождите, – остановила его Куинси. – Пропажа любых вещей, которые Джонсон мог украсть, к этому времени уже была бы обнаружена.

– Не он, мисс Куинси. Горничная, его жена! У нее имелся доступ к столовому серебру, ко всему дому!..

Отдав распоряжения дворецкому, граф закрыл дверь и принялся расхаживать по комнате.

– Негодяй, мерзавец... – бормотал он себе под нос.

– К сожалению, речь идет не только о хозяйственных расходах, милорд. Ведь Джонсон имел доступ ко всему вашему состоянию, разве не так?

Синклер остановился и посмотрел прямо в глаза девушке. Она смело встретила его взгляд.

– Какой суммы не хватает? – спросил он.

– На данный момент? Пока что я могу доказать, что не хватает как минимум десяти тысяч.

– Десять ты...

– Как минимум. Возможно, больше.

Синклер мысленно выругался. Ведь именно сейчас ему так нужны деньги...

– Теперь вы понимаете, что я нужна вам, милорд? – сказала Куинси. – Потребуется время, чтобы разобраться во всех записях Джонсона и точно определить размер ущерба.

Синклер промолчал, а Куинси спросила:

– Как долго он работал на вас?

– Пять лет. А до этого он служил у моего отца. – Синклеру вдруг показалось, что он ужасно устал. Со вздохом усевшись на диван, он пробормотал: – За столько лет Джонсон мог присвоить... очень много.

– Я бы на вашем месте не стала гадать и постаралась бы определить точный размер ущерба, – с невозмутимым видом заметила Куинси.

Синклер молча смотрел на девушку, собиравшую с пола стопки бумаг. Несколько минут спустя она надела свой плащ и вытащила из кармана поношенные перчатки. Затем, даже не взглянув на него, направилась к двери.

– Сколько времени потребуется, чтобы проверить все записи Джонсона? – спросил Синклер и тут же отчитал себя за малодушие – он ведь твердо решил, что откажется от услуг женщины-секретаря.

Куинси остановилась. Держа ладонь на дверной ручке, обернулась.

– Не знаю... – Она пожала плечами. – Несколько дней, наверное. Возможно, недель.

Синклер снова вздохнул.

– Что ж, тогда займитесь этим. Можете начать завтра.

– Завтра утром?

Тут раздался стук в дверь, и Куинси отступила на шаг...

Миссис Хаммонд, заглянувшая в комнату, с улыбкой спросила:

– Миледи просила принести ей чаю, и я решила узнать, не захотите ли и вы тоже, милорд.

Граф кивнул:

– Да, миссис Хаммонд, спасибо.

Экономка снова улыбнулась и, оставив дверь открытой, удалилась.

Взглянув на Куинси, Синклер проговорил:

– Да, займитесь этим. А когда справитесь, – добавил он, поднимаясь с дивана, – ваша работа окончена. Мы ведь поняли друг друга, мистер Куинси?

Девушка посмотрела на него прищурившись, и граф уже решил, что она собирается отказаться от его предложения. Но она все-таки кивнула:

– Да, милорд. Думаю, что поняли.

Тут послышались шаги, и в комнату с корзиной угля вошел Гримшо, слуга с первого этажа.

– Значит, увидимся утром, – сказал граф.

Куинси надела шляпу.

– Да, милорд.

Девушка вышла из комнаты, и Синклеру показалось, что в последний момент он заметил на ее губах улыбку. Снова усевшись на диван, он налил себе бренди и погрузился в раздумья. Конечно, с женщиной-секретарем ему будет не так-то просто, но ведь она не останется у него после окончания своей работы... Интересно, сколько времени ей понадобится, чтобы закончить проверку бухгалтерских книг? Впрочем, не имеет значения. Надо только сказать ей, чтобы она не снимала сюртук.

Медленно шагая по тротуару, Куинси то и дело вздыхала. Вот и закончилась ее служба у графа... Правда, он позволил ей остаться, но только на время. Как странно... Почему же он все-таки позволил ей остаться? Ведь любой толковый секретарь мог бы проверить записи Джонсона и все просчитать – особенно теперь, после того, как она указала на «ошибки» в записях.

Но что же сказать бабушке и сестре? Если она расскажет им о том, что ее разоблачили... Нет-нет, она ничего им не скажет. По крайней мере, пока. Что же касается лорда Синклера... Наверное, она скоро узнает, почему он решил ее оставить. И если проверка всех записей Джонсона потребует времени, то ей, возможно, удастся еще немного заработать. При мысли об этом Куинси с благодарностью вспомнила отца, позволившего ей назваться Джозефом и на время

забыть о Джозефине. Пять лет назад здоровье отца резко ухудшилось, и он уже не мог обходиться без помощи. «Джозеф» же, помогая отцу, занимался теми делами, которыми не могла заниматься Джозефина.

Несколько движений ножницами и несколько накладок в поношенные брюки и сюртук – и ее превращение свершилось. Отказ же от всех девичьих мечтаний окупился душевным спокойствием, которое ей давала ее новая роль. Вскоре она уже не могла представить себя в платье и наслаждалась свободой движений, которую предоставляли брюки.

Перебравшись в коттедж и сдавая внаем свой особняк, они могли оплачивать счета, им вполне хватало денег на скромный образ жизни. Все было хорошо до смерти отца, умершего прошлой весной. Увы, у него не было наследников мужского пола, поэтому по закону его титул и все владения отошли к короне. Какие нелепые законы!..

Куинси пнула носком сапога камешек и проследила, как он, ударившись о фонарный столб, отскочил под колесо проезжавшей мимо повозки.

Чтобы отвлечься от своих проблем, она стала думать о проблемах графа. Скорее всего, Джонсон не мог причинить слишком большой ущерб. Во всяком случае – не настолько большой, чтобы сделать графа нищим. И если лорд Синклер все-таки оставит ее у себя надолго...

– Джо, ты никогда не догадаешься, что мне сегодня дала мадам Шантель! – в восторге закричала Мелинда, увидев сестру.

Куинси заставила себя улыбнуться.

– И что же она дала тебе?

Мелинда протянула руку – на ладони у нее лежала новенькая сверкающая гинея.

– Премию! Она сказала, что леди М. была так довольна вышивкой на своем бальном платье, что заплатила ей премию. Поэтому Шантель выдала премию и нам тоже!

– Держу пари, что леди М. заплатила Шантель гораздо больше, чем гинею.

– Не придирайся! Помогает каждое пенни, ты сама это говорила.

Куинси вздохнула:

– Да, говорила.

– Ты разве еще не спрятала ее, Мел? – спросила бабушка, сидевшая в кресле у окна.

– Сейчас спрячу. Джо, сколько у нас уже? Ты ведь знаешь, что у меня плохо с арифметикой.

Куинси сняла с верхней полки банку, вытащила из нее лежавший сверху кулек с чаем и высыпала монеты на стол. Взглянув на сестру, сказала:

– Мел, сядь, пожалуйста. Ты мешаешь мне считать.

Мелинда села с другой стороны стола и стала смотреть, как Джо раскладывает перед собой монеты.

– Я уже заплатила миссис Линли за квартиру, так что, думаю, нам хватит на еду и уголь до следующей выплаты, – сказала Куинси минуту спустя. – Надеюсь только, что скоро наступит лето, и мы сможем сократить расходы на уголь.

– Думаю, не нужно было покупать этот отрез муслина, – проворчала бабушка (ткань лежала у нее на коленях, и она уже начала шить платье).

– Нет, нужно, – возразила Куинси. – Теперь Мелинде лучше, и она так выросла, что ее старые платья выглядят почти неприлично.

Она посмотрела на сестру:

– Я видела, как смотрел на тебя сын миссис Линли, когда ты набирала воду у насоса. Он повсюду ходит за тобой, и мне кажется, он должен был предложить свою помощь, когда ты несла ведро по лестнице.

Мелинда покраснела.

– Он иногда помогает. Иногда он идет за мной по лестнице... чтобы поймать меня, если я упаду.

Куинси с бабушкой переглянулись.

– Смотри, чтобы он не «поймал» тебя до того, как ты упадешь, мисс, – сказала бабушка.

Мелинда в смущении потупилась, и Куинси вновь заговорила:

– С моим жалованьем и деньгами, которые вы получаете от мадам Шантель, мы этим летом начнем копить на покупку коттеджа. – «Только для этого мне придется доказать графу, что он не сможет без меня обойтись», – добавила она мысленно.

Однако Куинси прекрасно понимала, что они не сумеют накопить на коттедж, даже если она останется на службе у графа. Нет, ей надо скопить на службе у графа достаточно денег, чтобы затем вернуться на биржу. Игра на бирже – ее единственный шанс. Она собрала монеты обратно в банку и положила сверху кулек с чаем.

– Неужели мы сможем купить собственный коттедж? Ты, правда, так думаешь, Джо? – Сестра смотрела на нее с недоверием.

Куинси кивнула:

– Полагаю, что сможем, Мел. – При условии, конечно, что бывший секретарь не разорил графа.

Куинси очень надеялась, что ей не придется искать нового хозяина. Бабушка приняла ее план только после того, как минувшей зимой Мелинда едва не умерла от воспаления легких. Они никогда об этом не говорили, но им не верилось, что Мел сможет пережить еще одну зиму в Лондоне. Увы, расходы на доктора и лекарства так истощили их скудные сбережения, что Куинси пришлось продать последнюю серебряную тарелку бабушки, чтобы купить уголь. А до этого она продала на бирже все акции по самой низкой цене – из-за слухов о поражении Веллингтона при Ватерлоо. На самом деле Веллингтон победил, и если бы она придержала свои акции хотя бы на несколько дней, то разбогатела бы, так как биржевые цены после победы над французами взлетели до небес.

В прошлом месяце они с бабушкой целыми днями листали газеты и Книгу пэров. Бабушка пыталась вспомнить что-нибудь о своих бывших знакомых, чтобы помочь Куинси выбрать того, кто, скорее всего, не станет устраивать скандал, если узнает, что Джозеф Куинси на самом деле Джозефина.

Что ж, в этом смысле они сделали правильный выбор. Теперь оставалось лишь доказать графу, что она, Куинси, ему необходима. Ей придется сделать это ради сестры.

Глава 4

Прежде чем переступить порог библиотеки, Куинси сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться.

– Доброе утро, мистер Куинси, – сказал Синклер; он сидел на диване, среди вороха папок и бумаг. Но ее бумаги – те, что она вчера сложила на стол, – там же и оставались.

– Доброе утро, милорд. – Куинси передала проводившему ее Харперу плащ и шляпу, затем одернула сюртук и поправила галстук. Не слишком ли туго она его завязала? Нет-нет, ни в коем случае нельзя нервничать!

Харпер вышел и закрыл за собой дверь, оставив Куинси наедине с Синклером.

– Хорошо спали, мисс Куинси? – Синклер встал, жестом предлагая ей сесть за письменный стол.

– Да, благодарю вас, милорд. А вы? – Дерзкие слова вырвались невольно.

Синклер внимательно на нее посмотрел, потом с усмешкой ответил:

– Я спал как младенец. Благодарю вас, мисс Куинси. Она попыталась сесть за маленький откидной столик у окна, но граф покачал головой:

– Нет-нет, ведь ваши бумаги там не поместятся. Вы же не хотите провести еще один день на полу? – Куинси густо покраснела, но Синклер, казалось, не заметил этого. Указав на кожаное кресло за своим письменным столом, он сказал: – Садитесь.

– Но...

– Садитесь.

Куинси повиновалась. Кресло было мягкое и очень удобное – она еще вчера это почувствовала. Вот если бы только ноги доставали до пола...

– Нам придется с самого начала прояснить кое-что, мисс Куинси, – сказал Синклер.

– Да, милорд. Вы должны выбрать, не так ли?

Он взглянул на нее с удивлением:

– Выбрать?

Она кивнула:

– Вы должны решить, как ко мне обращаться – «мистер» или «мисс». Вы не сможете говорить одно, когда мы наедине, и другое – на публике. Слишком легко ошибиться, верно?

Синклер скрестил на груди руки.

– Да, я понимаю вас. Не хотелось бы совершить faux pas¹. – Он пристально посмотрел на нее, потом вдруг спросил: – А может, лучше забыть «мистера» и «мисс»? Просто Куинси – устраивает?

– Это было бы в высшей степени неуместно, милорд.

Их взгляды встретились, и губы Синклера растянулись в усмешке.

Куинси почувствовала, что снова краснеет.

– Видите ли, милорд, подобное обращение подразумевало бы... дружеские отношения, которых на самом деле не существует.

Синклер пожал печами:

– Что ж, пожалуй, вы правы. К тому же я нанимал мистера Куинси, поэтому...

– Я вас поняла. – Куинси надела очки, достала из верхнего ящика карандаш и потянулась за верхним grossбухом. Как ни странно, решение графа разочаровало ее.

– Я не договорил, мистер Куинси. – Синклер наклонился к ней так близко, что она почувствовала исходивший от него аромат лавровишневой воды. – Имейте в виду, вы останетесь у

¹ ложный шаг (фр.)

меня на службе только до тех пор, пока выполняете работу, для которой вас наняли, – то есть вы должны определить, какую сумму присвоил Джонсон.

Куинси хотела заявить, что граф узнал о хищении только после того, как нанял ее, однако в последний момент решила промолчать. Она еще успеет сказать об этом.

Раздался стук в дверь, и в комнате появилась миссис Хаммонд с подносом; экономка принесла чай и лепешки с джемом.

Синклер тут же выпрямился и отступил от стола. Куинси же раскрыла грессбук и попыталась сосредоточиться. Несколько минут спустя – миссис Хаммонд уже ушла – она услышала, что Синклер к ней обращается, и, подняв голову, взглянула на него вопросительно.

– Вот ваш чай, мистер Куинси. – Синклер поставил перед ней чашку с блюдцем.

– Благодарю вас, милорд.

Он молча кивнул и направился к дивану, к бумагам, которые просматривал до того, как она вошла. «Когда-нибудь я непременно загляну в эти бумаги», – подумала Куинси и снова склонилась над грессбуком.

– Мистер Куинси...

Она вздрогнула от неожиданности.

– Я слушаю вас, милорд.

– Почему вы все это затеяли? Я имею в виду ваш не совсем женский облик.

Куинси в очередной раз поправила очки.

– У меня не было выхода. Но вы ведь наняли меня не для того, чтобы узнать историю моей жизни?

– Да, разумеется. – Синклер опять уткнулся в свои бумаги, однако Куинси нисколько не сомневалась, что он возобновит этот разговор.

Через некоторое время в дверь снова постучали, и в библиотеку вошла леди Синклер.

– Бенджамин, дорогой!..

– Да, мама. – Граф поднялся с дивана.

Леди Синклер обвела взглядом комнату и улыбнулась Куинси. Затем уселась на диван и, взяв сына за руку, заставила его сесть рядом.

Куинси попыталась сосредоточиться на записях, но она не могла не слышать их разговор.

– У Хукхэма я познакомилась с совершенно очаровательным джентльменом. Это лорд Грэм. О, Бенджамин, не хмурься так. Он знакомый Фитци, и это она нас познакомила. В общем, он придет к нам с визитом... о, через несколько минут, и ты присоединишься к нам за чаем. Он придет со своей дочерью Сесилией. Она дебютирует в этом сезоне.

Что означает этот звук – Синклер застонал? Не поднимая головы, Куинси перевернула страницу.

– А мистер Куинси? – спросил граф.

Она наконец-то подняла голову и увидела, что леди Синклер смотрит на нее с ослепительной улыбкой.

– Леди Сесилия приведет свою компаньонку, мисс Огилви, так что вы тоже присоединитесь к нам, хорошо?

– Миледи, я не думаю...

– Мистер Куинси будет рад присоединиться к нам, – перебил ее граф, и в его взгляде ясно читалось: «Уж если мне придется вытерпеть это, то и вам, мисс, тоже».

– Замечательно! – воскликнула леди Синклер. Улыбнувшись сыну, она вышла из комнаты.

Взглянув на графа, Куинси пробормотала:

– Я бы хотела заметить, что светское общение не входит в круг обязанностей, для которых...

– Теперь входит, – перебил Синклер, и его тон не допускал возражений.

Куинси поморщилась, но уже в следующее мгновение настроение ее улучшилось. Она вдруг поняла: мать лорда Синклера собиралась выступить в роли свахи – следовательно, у нее, Куинси, будет место в первом ряду, и она сможет наблюдать, как граф станет отражать натиск молоденькой дебютантки. Что ж, возможно, это будет забавное зрелище.

Десять минут спустя, после того как все были представлены и заняли свои места, леди Синклер принялась разливать чай. Куинси оказалась на маленьком диванчике рядом с мисс Огилви и ее пышными юбками. Граф же устроился на крошечном канapé рядом с леди Сесилией, юбки которой, напротив, были слишком уж узкими. А вот губы леди Сесилии казались чрезмерно пухлыми, и она смотрела на Синклера, словно кошка, наблюдающая за мышью.

– Вы хорошо себя чувствуете, мистер Куинси? – неожиданно прошептала мисс Огилви.

Куинси лишь сейчас сообразила, что несколько раз хмыкнула, поглядывая наледи Сесилию.

– Прекрасно, мисс Огилви. А вы?

– Да, благодарю вас. Как хорошо, что вы присоединились к нам. Видите ли, обычно я сижу одна и... – Мисс Огилви покраснела.

– О, не стоит так нервничать. Не желаете пирожное? – Куинси протянула девушке тарелку с пирожными, затем сделала глоток чая.

Время от времени поглядывая на графа, Куинси вспоминала одно из своих последних чаепитий в обществе молодого мужчины. Этим мужчиной был Найджел, пришедший, чтобы объяснить ей, почему они не подходят друг другу. Он заявил, что дело даже не в ее коротких волосах и брюках, а в образе жизни – ему нужна была «настоящая жена», а не жена, играющая на бирже. Что ж, вероятно, она должна быть благодарна Найджелу. Он преподавал ей хороший урок, который никогда не забудется. Играя роль мужчины, она лишила себя возможности стать чьей-либо женой.

Отбросив мысли о прошлом, Куинси заставила себя улыбнуться мисс Огилви, и та улыбнулась ей в ответ. В этот момент леди Сесилия рассмеялась какой-то шутке своего отца и тут же из-под ресниц взглянула на Синклера, чтобы проверить его реакцию. Граф изобразил подобие улыбки.

– Они составят очаровательную пару, не так ли, мистер Куинси? – прошептала мисс Огилви.

Куинси снова растянула губы в улыбке:

– Да, очаровательную.

Синклер ответил на какой-то вопрос леди Сесилии, и бесстыжая кокетка положила руку на колено графа. Он уронил трость и, наклоняясь, чтобы поднять ее, выскользнул из-под руки девушки. Стратегическое отступление, никакой конфронтации. Очень впечатляюще...

– Могу я кое в чем вам признаться, мистер Куинси? – опять прошептала мисс Огилви. Не дожидаясь ответа, она продолжала: – Я тоже надеюсь найти себе пару. Я же не могу вечно оставаться компаньонкой леди Сесилии... а она полна решимости обручиться, причем очень скоро...

Куинси, пристально следившая за действиями Синклера и леди Кокетки, слушала вполуха. Но мисс Огилви все же привлекла ее внимание, когда положила руку ей на колено.

Куинси поперхнулась чаем и закашлялась. Граф взглянул на нее вопросительно, однако промолчал.

– Мисс Огилви, я... я не могу выразить, как я польщен, – пробормотала Куинси, отставляя свою чашку и осторожно отстраняя руку девушки. Как жаль, что у нее нет трости, которую можно уронить. – Но должен признаться, что не могу быть... чьим-либо женихом, – добавила она и тут же почувствовала, что краснеет (граф все еще наблюдал за ней).

Мисс Огилви вдруг крепко сжала ее руку:

– Но ведь не будет ничего плохого, если мы немного... подружим, пока обстоятельства не изменятся. Вы мне очень нравитесь, мистер Куинси.

Куинси судорожно сглотнула.

– Я вам нравлюсь? – Мисс Огилви отпустила ее руку и провела ладонью ей по колену.

Куинси снова закашлялась.

– Вам придется извинить милого юношу, мисс Огилви, – сказал Синклер. Он встал и подошел к ним. – Видите ли, он ужасно робок.

Граф протянул мисс Огилви тарелку с пирожными, и девушка с улыбкой кивнула:

– О, благодарю вас, милорд.

Синклер вернулся на свое место, и тут Куинси вдруг заметила, что он подмигнул ей. Она улыбнулась в ответ и увидела, что глаза его смеются. Ситуация и впрямь была абсурдная, и ей захотелось рассмеяться.

Взглянув на мать лорда Синклера, Куинси увидела, что рука лорда Грэма лежит на ее колене. Синклер тоже это заметил и, нахмурившись, поднялся с места. Шагнув к лорду Грэму, он сунул тарелку с пирожными ему под нос, и пожилой джентльмен, откинувшись на подушки, убрал руку с колена леди Синклер. Подняв глаза на графа, он пробормотал:

– Нет, б-благодарю вас, милорд.

Синклер пристально смотрел на него, и лорд Грэм, не выдержав его взгляда, отвел глаза.

Тут леди Сесилия вдруг вскочила на ноги и проговорила:

– О, папа, мне ужасно жаль, но я только что вспомнила еще об одном визите. Мы же не хотим разочаровать... тетушку Мередит.

– Кого? – переспросил лорд Грэм. – Ах, тетушку Мередит?.. – Он тоже поднялся. – Нет, мне бы не хотелось огорчать старушку. – Он склонился над рукой леди Синклер. – Прошу прощения, но мы должны уйти.

Леди Синклер величественно кивнула. Лорд Грэм неловко поклонился в сторону графа, потом протянул руку дочери. Они направились к двери, даже не посмотрев, идет ли за ними мисс Огилви, – та догнала их уже у порога.

Харпер тотчас же проводил гостей.

– Ты довольна, мама? – Синклер прикоснулся ладонью к ее щеке.

Куинси, покусывая губы, изучала рисунок на ковре. Может, и ей следовало встать и уйти? Тут графиня взглянула на нее и с улыбкой сказала:

– Благодарю вас за помощь, мистер Куинси. Без вашего присутствия нам было бы очень неловко.

– Рад был помочь, – ответила Куинси. Покосившись на Синклера, она заметила, что он ухмыльнулся.

– Что ж, теперь я могу оставить вас. – Леди Синклер на прощание похлопала сына по руке и вышла из комнаты.

Куинси направилась в библиотеку, и Синклер тут же последовал за ней.

– Вы держались... вполне удовлетворительно, мистер Куинси, – сказал Синклер, усаживаясь на диван рядом со своими бумагами. – Но ваши навыки общения... Честно говоря, вам не хватает лоска.

Куинси пожала плечами и села за стол.

– Вы наняли меня не ради моих навыков общения, верно? – У нее действительно было не так уж много возможностей совершенствовать светское изящество. Пока девушки ее возраста учились играть роль хозяйки дома, Куинси училась вести деловую переписку с компаньонами отца.

– Да, верно, – кивнул Синклер. – Но если моя мать станет настаивать на своем, а обычно так и случается, то у вас будет достаточно возможностей приобрести необходимые навыки.

– Зачем леди Синклер обо мне заботиться?

– Не о вас. – Граф ухмыльнулся. – Вы просто будете присутствовать при таких же чаепитиях, как сейчас, когда в этом будет возникать необходимость. Мать представит мне множество девиц, чтобы помочь выбрать жену, но только с тем условием, что она согласится снять траур и начнет выходить в свет.

– Вы собираетесь жениться? – спросила Куинси.

Он пристально посмотрел на нее и кивнул:

– Да, разумеется. Это мой долг как старшего сына и графа Синклера. Вероятно, я бы сделал это еще в прошлом году, если бы не... если бы не помехи. Что касается вас, мистер Куинси, то вам действительно нужно поработать над своими манерами. Ведь не исключено, что в следующий раз какая-нибудь юная мисс опять начнет раздавать вам авансы.

– В следующий раз? – Щеки Куинси запылали. – Не будет следующего раза. Мисс Огилви просто оказалась... весьма легкомысленной.

– О, я уверен, что следующий раз непременно будет. По какой-то необъяснимой причине дамы находят вас неотразимым.

Куинси хотела возразить, но граф погрозил ей пальцем и проговорил:

– Да-да, неотразимым. На следующем чаепитии-смотре мы в очередной раз в этом убедимся.

Глава 5

Синклер вышел от Генри Анджело, все еще тяжело дыша после занятий фехтованием. Нога снова разболелась, и он прихрамывал сильнее, чем обычно. К тому же пошел дождь, и он наверняка будет дрожать от холода, когда доберется до дома. Бродерик, конечно же, сразу это заметит и заставит его выпить один из своих отвратительных на вкус отваров – в их целительную силу камердинер верил безгранично. При мысли об этом Синклер невольно поморщился и постарался идти быстрее, чтобы не замерзнуть.

– Прости за тот последний выпад, дружище! – раздался голос за спиной.

Синклер обернулся и проворчал:

– Не стоит извиняться, Туитчелл. – Граф заставил себя улыбнуться, хотя ему ужасно хотелось ударить этого мерзавца тростью по голове.

– Я думал, что ты уже стал более проворным. Хотя, по-моему, тебе повезло, что ты вообще встал на ноги, – добавил Туитчелл с усмешкой.

Синклер коротко кивнул; к счастью, он был избавлен от необходимости отвечать, потому что в этот момент подъехал экипаж Туитчелла и тот поспешил скрыться от дождя.

Граф же продолжил путь в одиночестве, и каждый шаг давался ему с огромным трудом. Он по-прежнему регулярно занимался фехтованием, так как ему очень хотелось побыстрее восстановить свою прежнюю форму. Что ж, возможно, сегодняшний дополнительный час оказался все-таки лишним.

Да, он поставил перед собой цель – избавиться от хромоты к тому времени, когда придется отпустить Куинси. Но выполнимо ли это? Ведь она осталась всего на несколько недель. Самое большее – на месяц. В любом случае он должен справиться.

Граф то и дело представлял себе Куинси, склонившуюся над бумагами за его письменным столом. Покусывая карандаш, она расшифровывала каракули Джонсона. Сидя в его огромном кожаном кресле, она часто болтала ногами, когда глубоко задумывалась, – невинный, беззаботный жест, так восхитительно контрастирующий с ее обычным серьезным видом.

Однажды он пошутил – мол, она грызет карандаш, потому что, наверное, недоедает. Куинси улыбнулась шутке, но он, заметив боль в ее глазах, почувствовал себя негодяем. Встретив в тот же день в холле миссис Хаммонд, он как бы невзначай упомянул, что мистеру Куинси, похоже, нравится, как готовит кухарка. С тех пор экономка регулярно появлялась в библиотеке с завтраками, обедами и вечерним чаем с пирожными.

Глядя, с каким аппетитом ест Куинси – она никогда не ковырялась в тарелке, как принято у дам, – Синклер и сам ел с аппетитом, чего давно уже не случалось. И теперь миссис Хаммонд радостно улыбалась ему, забирая подносы с пустыми тарелками, на которых не оставалось даже крошек.

Конечно, Синклер кормил и Джонсона, когда тот работал на него, но Джонсон всегда ел вместе со слугами. Понимала ли мисс Куинси уникальность ситуации? Ведь миссис Хаммонд относилась к ней так, будто она была членом семьи...

Нет-нет, конечно же, Куинси не была членом его семьи. К тому же она будет работать на него только до тех пор, пока не определит, какую сумму присвоил Джонсон, а потом он с ней расстанется. Разумеется, ему нравилось ее общество, но он никак не мог позволить себе иметь женщину-секретаря. Не мог, потому что боялся скандала – им с матерью было вполне достаточно скандального самоубийства отца.

Неподалеку остановился знакомый экипаж, и Синклер окликнул кучера: – Элиот, ты?!

– Да, сэр. Мистер Харпер решил, что из-за дождя вы можете отказаться от прогулки.

Тут прогремел гром, и дождь полил еще сильнее. Граф приблизился к карете и, взглянув на кучера, сказал:

– Харпер был прав. Ты очень вовремя, Элиот.

– Спасибо, сэр.

Синклер забрался в экипаж и, усевшись на сиденье, откинулся на подушки. Карета тотчас тронулась с места и покатила в сторону дома. Боль в ноге усилилась и распространилась на всю правую часть тела. Когда они, наконец, подъехали к дому, Синклер едва смог подняться с сиденья. Кучер, соскочивший с козел, тут же открыл дверцу и опустил подножку.

Взяв трость, граф начал осторожно выбираться из кареты. Но, ступив на тротуар, не удержался на ногах и повалился на бок. Выругавшись сквозь зубы, он попытался встать, но сразу понял, что без помощи слуг ему не обойтись. В этот момент из дома выбежал Харпер и с помощью кучера помог хозяину подняться. К крыльцу Синклер уже шел сам, однако дворецкий следовал за ним по пятам, чтобы подхватить его, если понадобится, – какое унижение!

– Хотите, чтобы поднос с чаем принесли к вам в комнату, милорд? – осведомился Харпер.

Синклер медленно поднялся по ступеням и прошел через холл без посторонней помощи. Передав Харперу шляпу, перчатки и плащ, он ослабил узел галстука и посмотрел в сторону лестницы. Десять тысяч ступеней – не меньше! К тому же в спальне его наверняка ждал Бродерик со своим проклятым зельем...

– Нет, Харпер, спасибо. Я не пойду к себе. – Сейчас ему хотелось уйти туда, где его не будут беспокоить слуги и где он сможет спокойно зализывать раны.

Подняв глаза от бухгалтерских книг, Куинси посмотрела на графа с удивлением – ведь обычно, возвращаясь от Генри Анджело, он шел прямо к себе в спальню.

– Не обращайтесь на меня внимания, – сказал Синклер, укладываясь на диван. Со стоном подняв ногу, он водрузил ее на подлокотник.

Куинси отодвинула счета и, стараясь не выдать своей тревоги, спросила:

– Что-то случилось?

– Просто не говорите Бродерику, что я здесь, – проворчал в ответ граф, устраиваясь поудобнее.

Куинси немного успокоилась, решив, что странное настроение Синклера означает только одно: он хочет скрыться от назойливого камердинера. Выждав какое-то время, она спросила:

– Не хотите ли бифштекс? Или, может быть, грелку? Синклер криво усмехнулся:

– Благодарю за заботу, Куинси, но мне просто нужно немного отдохнуть. Возвращайтесь к вашим гроссбухам.

Молча кивнув, она снова уткнулась в записи Джонсона, но изредка все же поглядывала на Синклера. Через несколько минут его рука безвольно свесилась к полу, глаза закрылись, а дыхание стало глубоким и размеренным.

Внезапно послышался тихий стук в дверь, и в комнату вошел Харпер. Он уже собрался обратиться к графу, но Куинси его остановила.

– Милорд просил, чтобы его не беспокоили, – проговорила она вполголоса.

Дворецкий внимательно посмотрел на Синклера, затем молча кивнул и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Куинси вновь принялась за работу, но цифры на бумаге казались не столь привлекательными, как мужчина на диване. Какое-то время она боролась с собой, но, в конце концов, сдалась и, поднявшись из-за стола, приблизилась к дивану.

Несколько минут Куинси смотрела на спавшего графа как завороченная. Его грудь мерно поднималась и опускалась, а в расстегнутом вороте рубашки виднелись темные волоски (галстук он снял и засунул в карман жилета). Волосы же, упавшие на лоб, были еще влажными от дождя и, высыхая, чуть завивались. «Нельзя допустить, чтобы он простудился», – решила Куинси и взяла с кресла вязаный плед. Она ведь не слишком утруждает себя, правда?

Немного помедлив, Куинси накрыла графа пледом и вернулась к письменному столу.

– Не смотрите на меня так. – Проснувшись, Синклер устроился в кресле напротив стола.
– Вы заставляете меня думать, что Джонсон сделал меня нищим.

Куинси спрянула улыбку.

– Простите, милорд, но если я к вам обращаюсь, то мне следует смотреть именно на вас, не так ли? Или вы хотите, чтобы я обращалась к вашему галстуку?

Ей придется внимательнее следить за своей речью. Дерзость – это одно, но чрезмерная фамильярность неприемлема – даже если он становился все ближе и привычнее и все чаще появлялся в ее снах.

– Просто ответьте на один вопрос, – пробурчал Синклер. – Нужно ли мне отменить мой постоянный заказ на спиртное у месье Бове?

– Да, нужно.

Синклер с грохотом поставил на стол бокал – свой третий бокал бренди за этот день. Куинси же продолжала:

– Видите ли, Бове привык обманывать вас. И я могу назвать имена еще нескольких торговцев, к которым не следовало бы обращаться. Впрочем, я почти уверена, что обманывают не только вас, но и многих ваших друзей.

– Это отчасти утешает. – Граф криво усмехнулся. – Так что же вам еще удалось выяснить?

– Кое-что удалось, но я пока что не закончила расследование. Позвольте мне только заметить, что если вы намерены в скором времени выбрать себе жену, то вам следовало бы подыскать даму... без экстравагантных вкусов.

Лицо Синклера исказилось от гнева, и Куинси тотчас же отчитала себя за легкомысленное замечание.

– Вы хотите сказать, что я разорен?! – Синклер схватил ее за плечо, и Куинси, вскрикнув от неожиданности, обхватила его обеими руками, чтобы удержать равновесие.

Стараясь говорить как можно спокойнее, она ответила:

– Если бы вы были разорены, я бы уже сказала вам об этом и начала бы искать нанимателя с более полными карманами.

Он пристально посмотрел ей в глаза. Теперь его лицо было совсем близко, так что Куинси чувствовала на щеках его теплое дыхание. Внезапно у нее закружилась голова и по всему телу словно прокатилась горячая волна.

«Нет-нет, это неприемлемо, совершенно неприемлемо», – сказала себе Куинси. Отступив на шаг, она заявила:

– Милорд, мне кажется, вам не стоит разыгрывать мелодраму. К тому же вы выпили уже слишком много бренди, так что я вот-вот опьянею от вашего дыхания.

Синклер пожал плечами и отошел на несколько шагов.

– Примите мои извинения, мисс... мистер Куинси. Поверьте, подобное больше не повторится, – добавил он, выходя из комнаты.

Куинси облокотилась о стол, прижимая руку к бешено колотившемуся сердцу, – ей казалось, что она до сих пор чувствует руку графа.

Внезапно дверь отворилась и в комнату вошел Харпер.

– Не хотите бренди, мистер Куинси? – Дворецкий закрыл за собой дверь и налил два бокала. – Я заказал для вас карету, как приказал милорд. – Харпер протянул ей бокал и уселся на диван. – Выпейте, это успокоит нервы.

Куинси сделала глоток и закашлялась, когда спиртное обожгло горло. Харпер же, осушив свой бокал, продолжал:

– Бог свидетель, нам всем надо выпить, когда милорд такой, как сегодня. Проклятая погода... – Он встал, чтобы посмотреть в окно. – Но вы привыкнете – так же, как и мы все.

– Вы хотите сказать, что дождь заставляет Синклера пить слишком много?

– Ну, это не слишком помогает. Сегодня утром он оступился, выходя из кареты, и упал. Бродерик сейчас занимается им, но не удивляйтесь, если он еще несколько дней будет не таким, как всегда. Когда холодно и сыро, ему требуется больше времени, чтобы поправиться. – Заметив подъехавшую к дому карету, Харпер подал Куинси ее шляпу и перчатки.

– Не судите его слишком строго, приятель. Он настоял, чтобы вас отвезли домой в карете и привезли завтра утром, если будет скверная погода. – Дворецкий улыбнулся и добавил: – Всего вам доброго, приятель. До завтра...

– Спасибо, мистер Харпер. Вы очень добры. – Куинси улыбнулась старику. – Поверьте, я не стану осуждать графа.

И она действительно нисколько не осуждала Синклера. Более того, она чувствовала, что он ей все больше нравился.

– Доброе утро, милорд. Надеюсь, сегодня вам лучше.

– Ужасно болит голова. Говори потише, болван. – Синклер приоткрыл один глаз и, поморщившись, проворчал: – Бродерик, идиот, задерни шторы.

– Они задернуты, милорд.

Синклер тяжело вздохнул.

– Тогда прикажи заменить их на... что-нибудь поплотнее. Завтра. Не сегодня. Я не хочу, чтобы кто-то заходил сюда сегодня.

Граф сел в постели и снова вздохнул. Бродерик взбил подушки за его спиной и сунул ему в руки кружку с каким-то варевом.

– Скоро наступит лето, милорд, и станет тепло. А этот проклятый дождь закончится.

– А потом опять наступит зима, – пробурчал Синклер. Он попробовал настой и поморщился. Затем, собравшись с духом, осушил всю кружку.

– Да, но к тому времени вам будет гораздо лучше, милорд. Подумайте только, чего вы уже достигли!

Синклер промолчал. Теперь он чувствовал, что болит не только голова, но и нога. Причем нога болела от бедра до самой лодыжки, и казалось, что эта пульсирующая боль проникает даже в кости... Когда он пришел в себя после Ватерлоо, он молил ангела милосердия избавить его от страданий, и лишь настойка опия помогала заглушать боль и сохранять рассудок. Но вскоре настойка стала ему нужна даже тогда, когда он не чувствовал боли, поэтому пришлось отказаться от нее, и его единственным обезболивающим стал алкоголь. Впрочем, пить Синклер умел, и даже мать не могла сказать, когда он пил больше, чем обычно.

Но его новый секретарь сразу все поняла – и отчитала его, дерзкая девчонка. При мысли о Куинси граф невольно улыбнулся. Вероятно, он слишком грубо с ней обошелся. Да-да, его поведение совершенно непростительно. И, конечно же, ему следует перед ней извиниться.

– Бродерик, узнай, появился ли уже мистер Куинси, – сказал граф, повернувшись к камердинеру.

– Слушаюсь, милорд. – Бродерик вышел в коридор, чтобы отдать распоряжения.

Тут послышались чьи-то громкие голоса, а затем Бродерик вернулся и с возмущением проговорил:

– Милорд, поведение Томпсона уже переходит всякие границы. Не понимаю, почему вы терпите его. Я бы на вашем месте...

Внезапно дверь открылась, и на пороге появилась Куинси.

– Вы посылали за мной, милорд?

Синклер тут же забыл о пульсирующей боли в ноге. Куинси смотрела на него широко раскрытыми глазами, и ее щеки были залиты румянцем. Синклер почувствовал, что тоже краснеет.

– Зачем вы позвали меня? – спросила Куинси.

Бродерик нахмурился и проворчал:

– Дерзкий щенок, да как ты смеешь...

– Успокойся, Бродерик, – перебил граф. – Мистер Куинси хочет знать, почему его отвлекли от важной работы. Не так ли, Куинси?

– Я действительно занят, милорд, – в смущении пробормотала Куинси.

– Что ж, не буду вас отвлекать, – сказал Синклер, откашлявшись. – Я хотел только сообщить, что сегодня утром должен прийти пакет с документами. Так вот, когда его доставят, пришлите, пожалуйста...

– Он уже здесь, – ответила Куинси и выскочила из комнаты.

Синклер застонал и схватился руками за голову. Конечно же, ему не следовало посылать за Куинси. Что ж, позже он непременно перед ней извинится. Только бы она не подумала, что он намеренно послал за ней, чтобы она пришла в его спальню.

– Полагаю, вам лучше что-нибудь надеть, милорд, если вы не хотите, чтобы мальчик умер от смущения, – заметил Бродерик.

Синклер снова застонал.

Когда Куинси добралась до библиотеки, она уже почти успокоилась. В конце концов, ничего особенного не произошло. Ведь она и раньше видела полурасдетого мужчину, когда они с Мелиндой помогали ухаживать за отцом, прикованным к постели.

Правда, Синклер не был больным стариком. И когда она увидела его в расстегнутой ночной сорочке... Нет-нет, нельзя об этом думать. Ей следует всецело сосредоточиться на работе, для выполнения которой ее наняли. Отыскав пакет, о котором говорил граф, Куинси вышла в коридор и осмотрелась. К сожалению, Томпсона нигде не было, и ей пришлось самой идти в спальню Синклера. Хотя граф все еще лежал в постели, он все же надел темно-зеленый атласный халат. Когда Куинси приблизилась, он оттолкнул Бродерика, стоявшего рядом с бритвенными принадлежностями наготове.

– Вам нужно что-нибудь еще? – Она протянула ему бумаги, и на сей раз ей удалось не покраснеть.

Синклер покачал головой:

– Нет, не нужно. Как продвигается расследование?

– Есть счета от торговцев, которых я не знаю. Думаю, лучше заплатить им побыстрее. Если я возьму ваш экипаж, то смогу вернуться к ленчу.

– Ехать одному? Я не думаю... А впрочем, поезжайте. – Синклер взглянул на своего камердинера: – Может, возьмете с собой Бродерика?

– В этом нет необходимости, милорд, – ответила Куинси. Бродерик же чуть не задохнулся от возмущения, однако промолчал.

– Тогда возьмите с собой Томпсона. Он может оказаться полезным.

– Благодарю вас, милорд, – кивнула Куинси. Несколько минут спустя она уже сидела в карете, а Томпсон устроился на козлах рядом с Элиотом. Вспомнив о том, что когда-то у ее отца был такой же прекрасный экипаж с гнедыми лошадьми, Куинси тихонько вздохнула и постаралась отогнать воспоминания о прошлом.

– Это здесь, мистер Куинси? – спросил Томпсон, распахнув дверцу кареты, когда они приехали.

Куинси осмотрелась и кивнула:

– Да, Томпсон, спасибо. – Она направилась в лавку торговца, но потом вдруг остановилась. – Томпсон, вы давно служите у графа?

– Почти шесть лет, сэр. Он нанял меня и Таннера перед тем, как уехал сражаться с проклятым корсиканцем.

– Что ж, очень хорошо. Полагаю, вам можно доверить кошелек. Вы ведь умеете считать, не так ли? – добавила она с улыбкой.

Томпсон усмехнулся:

– Конечно, сэр. Леди Синклер настаивает, чтобы все ее слуги учились читать, писать и считать.

– Правда? Что ж, тогда давайте начнем тратить деньги лорда Синклера, а?

Томпсон улыбнулся во весь рот и распахнул дверь лавки.

– Согласен, сэр!

Торговец закивал, когда Томпсон передал ему причитающиеся деньги, и пожал руку Куинси, заявив, что очень рад познакомиться с новым секретарем лорда Синклера.

– У предыдущего секретаря были бегающие глазки, знаете ли, – сказал он, подмигивая.

То же самое повторилось у булочника, зеленщика и портного. Причем эти торговцы даже снижали сумму, записанную в счете, – снижали за «немедленный платеж».

А вот мясник оказался другим. С огромной, как бочка, грудной клеткой и руками размером с окорок, он был на несколько дюймов ниже Томпсона, но вдвое шире.

– А что случилось с Джонсоном? – осведомился мясник. – Наверное, Синклер его крепко поколотил?

– Насколько я знаю, мистер Джонсон решил уехать в Америку, – ответила Куинси. – А почему вы решили, что граф должен был его поколотить?

Торговец пожал плечами:

– Я просто предположил.

– Томпсон, подождите меня в карете, пожалуйста, – сказала Куинси. Как только слуга удалился, она вынула из кармана соверен и пристально взглянула на мясника: – Так что же вы собирались мне сообщить?

– Видите ли, я не слишком грамотный, – пробормотал торговец.

– Я это заметил. – Куинси указала на счет.

– Но Джонсон сказал, что это не проблема. Он сам писал за меня счета и кое-что к ним добавлял. Все, что мне причиталось, он удваивал, а потом оставлял часть разницы себе как «вознаграждение».

Куинси кивнула и протянула торговцу соверен.

– Вы не знаете, оказывал ли Джонсон такие услуги кому-нибудь еще?

Когда мясник замялся, она вытащила еще одну монету.

– Я знаю француза по имени Бове, он продает бренди. И еще торговец вином в двух кварталах отсюда.

Куинси снова кивнула:

– Что ж, ясно. Но так дальше продолжаться не может. То, что вы делали, карается законом, мистер... Кстати, как вас зовут?

– Сэм. – Торговец внимательно посмотрел на Куинси. – А вы собираетесь сдать меня полиции?

Куинси судорожно сглотнула. Она уловила какое-то движение справа и тут же заметила маленького мальчика, выглядывавшего из-за двери. У него были такие же темные волосы и зеленые глаза, как у Сэма. Внезапно из-за двери выглянул еще один мальчик, а потом еще один. Вскоре их стало пятеро, и все они пристально смотрели на нее.

– Нет, Сэм, я не собираюсь сдавать вас полиции. Я придумал кое-что другое.

Сэм взглянул на нее вопросительно:

– Кое-что другое?

– Совершенно верно. Я предлагаю, Сэм, чтобы вы проводили со мной два часа в неделю, пока не сможете написать разборчивый счет.

Сэм отступил на шаг.

– Но зачем?

– Затем, что дети не должны голодать, они не должны лишаться отца. Я собираюсь научить вас выписывать честные счета, а вы пообещаете, что не будете ничего «добавлять» к ним. Договорились?

Сэм все еще колебался.

– Если вы научитесь хорошо читать и писать, вы сможете убедиться, что никто не обманывает вас.

При этих словах лицо Сэма прояснилось. Они пожали друг другу руки и договорились встретиться у церкви после воскресной службы. Оказавшись в карете, Куинси заглянула в свой список – оставался последний адрес. Теперь им предстояло навестить торговца, поставлявшего все для конюшен – от сена до уздечек.

Когда они подъехали к району доков, Томпсон открыл дверцу и осведомился:

– Вы уверены, что это то самое место, мистер Куинси?

– Полагаю, что сюда Джонсон посылал деньги милорда. Давайте узнаем, так ли это. – Они зашли в ближайшую дверь и оказались в полумраке – сквозь закопченные окна сюда почти не проникал солнечный свет. – Эй! – крикнула Куинси. – Здесь есть кто-нибудь?

Внезапно Куинси услышала чьи-то шаги, а затем раздался крик Томпсона. Обернувшись, она увидела, как кто-то приближается к ней, – и тотчас же погрузилась во мрак.

Глава 6

– Милорд, возможно, вы захотите спуститься вниз, – сказал Харпер, причем было очевидно, что дворецкий чем-то очень встревожен.

Синклер поднял голову и отложил бумаги. В этот момент мимо открытой двери с визгом пробежали две служанки.

– А что случилось? – проворчал граф. – В доме пожар?

– Нет, милорд. Вернулась карета с мистером Куинси и Томпсоном. На них напали.

Синклер почувствовал, как по спине его пробежал холодок.

– Какого дьявола?! – Граф сунул ноги в домашние туфли, схватил трость и поспешил вниз.

– Они в гостиной. Я уже послал Таннера за доктором, – сообщил следовавший за графом Харпер.

– Очень хорошо, – пробормотал Синклер. «Но кто же мог напасть на мисс Куинси? – думал он, спускаясь по лестнице. – Неужели она серьезно ранена? Конечно же, не следовало отпускать, ее в сопровождении одного только Томпсона».

Переступив порог гостиной, Синклер увидел миссис Хаммонд и двух горничных – те сустились вокруг сидевшего на диване Томпсона, прижимавшего к глазу кусок сырого мяса.

Увидев графа, Томпсон встал и пробормотал:

– Милорд, они напали на нас сзади. И кошелек тоже унесли, хотя в нем немного осталось.

– Не беспокойся об этом. Сядь. – Синклер подошел к Куинси, лежавшей на другом диване. Глаза ее были закрыты, а миссис Хаммонд, всхлипывая, стояла рядом с ней на коленях и похлопывала ее по руке.

Тут в комнату вошла леди Синклер и, всплеснув руками, воскликнула:

– Мод, принеси мои нюхательные соли! Матильда, посмотри, не приехал ли доктор. Миссис Хаммонд, немедленно прекратите это. Вы наверняка пугаете мальчика.

– Дайте, я посмотрю, миссис Хаммонд, – сказал Синклер, отодвигая экономку в сторону.

Куинси лежала без движения, и на виске у неё набухла большая шишка. Оправа ее очков была перекошена, а левая линза треснула. Синклер снял с нее очки и, приоткрыв одно веко, с облегчением вздохнул.

– Все в порядке. – Он похлопал Куинси по щекам: – Вы слышите меня, приятель? Пора просыпаться.

Мод вернулась с серебряным флаконом с солями. Леди Синклер сняла крышку и поднесла флакон к носу Куинси. Ее глаза тут же открылись, и она, закашлявшись, отстранила флакон. Скосив глаза на Синклера, пробормотала:

– Милорд, а что...

– Тише, тише, приятель. – Граф сел рядом с ней на диван.

В этот момент в дверях появился кучер, теребивший в руках шляпу.

– Что произошло, Элиот? – спросил Синклер.

– Мы остановились у какого-то склада недалеко от доков. Мистер Куинси и Томпсон вошли внутрь, а через минуту оттуда выбежали трое мужчин. Я привязал лошадей к фонарному столбу и зашел. Томпсон и Куинси лежали без чувств на полу. Томпсон очнулся, когда я подошел к нему. Он и вынес мистера Куинси.

– Спасибо, Элиот. Ты свободен. Молча кивнув, кучер удалился.. Синклер снова повернулся к Куинси:

– Как вы себя чувствуете?

Она пощупала голову.

– Кажется, уже лучше. А где мои очки?

– Они разбились. – Синклер показал очки. – Я заменю их к завтрашнему утру. А пока есть у вас запасная пара?

– Благодарю вас, милорд, но нет необходимости, чтобы вы... – Она умолкла, когда Таннер объявил о приходе доктора.

– Добрый день, доктор Кимбалл, – поздоровалась леди Синклер. – Дамы, давайте оставим доктора, чтобы он занялся своим делом.

Куинси попыталась встать, но Синклер крепко держал ее за руку.

– В докторе нет необходимости, милорд, – сказала она, стараясь высвободить руку. – Со мной все в порядке. Просто легкий обморок.

– Я должен убедиться, что вы не ранены, – возразил граф. – Доктор Кимбалл, почему бы вам не начать с Томпсона?

– Я не ранена, а доктору не нужно ничего знать, – прошептала Куинси.

– Пожалуйста, успокойтесь, – шепнул Синклер. – Я очень за вас беспокоился и...

– Только синяк под глазом и небольшая шишка, – объявил доктор, похлопав Томпсона по плечу.

Тут Синклер повернулся к доктору, и Куинси, воспользовавшись этим, вскочила с дивана и выбежала из комнаты.

Очутившись в коридоре, она сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Но куда же идти? В библиотеку? Нет, не подходит. В гостиную леди Синклер? Но та наверняка тоже будет настаивать, чтобы доктор осмотрел ее. Может быть, спуститься в кухню? Да, конечно. К тому же чашка чая ей не помешает.

Вскоре кухарка поставила перед ней чайник и чашку.

– Знаете, там, наверху, какая-то заварушка, – сказала кухарка, помешивая суп в кастрюле. Куинси молча кивнула и сделала глоток чая.

– Так вот где вы прячетесь...

Куинси вздрогнула и вскочила.

– Милорд, я подумал, что доктор Кимбалл будет какое-то время занят с Томпсоном, так что я...

Синклер протянул ей руку:

– Доктор уже осмотрел Томпсона, и теперь ваша очередь.

– Но в этом нет необходимости. Я в полном порядке.

Синклер нахмурился:

– И все-таки позвольте...

– Нет, – решительно заявила Куинси.

Синклер внезапно улыбнулся и, покосившись на кухарку, спросил:

– Неужели вы боитесь осмотра, приятель?

– Видите ли, я... – Куинси расправила плечи и посмотрела Синклеру прямо в глаза. – Я не очень привык к докторам.

Синклер вздохнул и снова улыбнулся:

– Давайте обсудим это в библиотеке, хорошо?

Несколько секунд Куинси медлила. Затем кивнула и последовала за графом.

Харпер тоже вошел в библиотеку; в руках он нес поднос с двумя бокалами и графином бренди.

– Я отпустил Томпсона до завтрашнего утра, милорд, – сообщил дворецкий. – Матильда и Мод обещали присмотреть за ним.

– Только не говори об этом Бродерiku, – проворчал Синклер. – И, пожалуйста, закрой дверь, когда будешь уходить.

Как только они остались одни, он налил бокал бренди и протянул его Куинси. Потом налил себе.

– Вы уверены, что с вами действительно все в порядке?

– Абсолютно уверена. – Куинси поставила свой бокал на стол. – Кроме маленькой шишки на виске, никаких последствий.

– Подойдите сюда, к окну, – сказал вдруг Синклер. – Раз уж мы не можем позволить доктору осмотреть вас, позвольте хотя бы мне это сделать.

У нее ёкнуло сердце.

– Но это не...

– Не спорьте.

Она судорожно сглотнула и отступила на шаг.

– Боже мой, Куинси, я же не съем вас! У меня действительно есть в этом кое-какой опыт. В армии у нас не всегда был рядом доктор, и мы научились справляться сами. Элиот служил под моим командованием пять лет, и он прекрасно пережил мое лечение. И я ведь не собираюсь извлекать пулю из вашего плеча. Идите сюда. Немедленно.

Куинси со вздохом повиновалась. Теперь она стояла от графа так близко, что они могли бы танцевать вальс. Синклер осторожно убрал с ее лба волосы и осмотрел шишку на виске. Когда же он выдохнул, и его теплое дыхание коснулось ее уха, по спине Куинси пробежали мурашки. Ей захотелось прильнуть к нему, чтобы стать еще ближе. Хотелось, чтобы его теплые крепкие руки обнимали ее и ласкали.

Но что же с ней происходит? Откуда у нее вдруг появились такие мысли? Наверное, все дело в том, что здесь, рядом с графом, она чувствовала себя в безопасности. Находясь на том складе, она совершенно не думала об опасности, но сейчас, оказавшись в библиотеке, внезапно подумала о ней. Ведь ее могли убить, а затем бросить ее тело в Темзу, и никто бы об этом не узнал. Что бы тогда стало с Мел и бабушкой?

– Похоже, больше ничего серьезного, – произнес Синклер, делая шаг назад. – Но завтра у вас будет огромная шишка. Хотите сохранить сувениры? – Он протянул ей мелкие кусочки кирпича, блестящие от макасарового масла, которым она мазала волосы.

Куинси попыталась улыбнуться:

– Думаю, нет.

– Вы дрожите... – Прежде чем она успела отреагировать, Синклер привлек ее к себе и обнял.

Куинси невольно прижалась щекой к груди графа и почувствовала, как билось его сердце. Теперь она уже совершенно успокоилась и, закрыв глаза, наслаждалась новыми для нее ощущениями. Внезапно Синклер склонился над ней, и ей показалось, что он поцеловал ее в висок. Да-да, она могла бы поклясться, что он поцеловал ее.

Поцелуй? Ноги ее подогнулись, и она еще крепче прижалась к графу. Он же вдруг рассмехался и сказал:

– Знаете, после такого испытания большинство женщин впали бы в истерику.

Сделав над собой усилие, Куинси отстранилась и отступила на шаг.

– Говорите, в истерику? – переспросила она.

– Ну... видите ли, не только женщина, любой человек отреагировал бы... – Синклер в смущении откашлялся и добавил: – Что ж, вернемся к делам. Почему вы оказались в доках?

Куинси пригладила волосы и сделала глубокий вдох. «Правильно, вернемся к делам, вот именно». Усевшись за письменный стол, она с невозмутимым видом проговорила:

– Милорд, у меня есть доказательства, что Джонсон завышал счета и прикарманивал разницу. И я полагаю, что иногда он указывал в отчетах на торговцев, которых в действительности не существует. Тот склад был указан в счете как адрес одного из таких.

Синклер уселся на диван и положил ногу на оттоманку. Халат его распахнулся, но Куинси попыталась не обращать на это внимания.

– Выходит, он довольно глубоко залез в мои карманы? – осведомился граф. – Какова же сумма? Больше десяти тысяч фунтов, о которых вы говорили вначале?

– Боюсь, как минимум вдвое больше.

– Проклятие! – Он помассировал бедро. – Говорите, один из несуществующих торговцев? А сколько их всего?

– Возможно, трое.

Синклер откинул голову на спинку дивана и закрыл глаза. Прошло несколько минут, и Куинси решила, что он заснул. Она уже собиралась вызвать Харпера, когда Синклер вдруг застонал и поднялся. Приблизившись к столу, он сказал:

– Отправляйтесь домой, Куинси. – Он провел по ее щеке костяшками пальцев, и ее глаза сами по себе закрылись. – Пусть Элиот отвезет вас. Миссис Хаммонд говорит, что завтра будет солнце. Если она окажется права, мы с вами снова займемся этим делом. Если же она ошибается, то, что ж... – Он пожал плечами и, прихрамывая, вышел из комнаты.

– Джо, почему ты так рано вернулась? – Мелинда, с корзинкой шелка для вышивания, встретила Куинси на лестнице, ведущей в их квартиру. Она с открытым ртом смотрела на отъезжающий экипаж.

– У нас произошел... несчастный случай, и лорд Синклер отпустил меня пораньше.

– Несчастный случай?!

– Дитя мое, что с тобой случилось?! – воскликнула бабушка, когда Куинси вошла в квартиру.

– С Джо произошел несчастный случай. О, ты порвала сюртук!

Куинси сбросила сюртук и подошла к окну.

– Надеюсь, его можно починить. И я не ранена, Мел, если тебя это интересует.

– Конечно, я знаю, что ты не ранена. Думаешь, я бы беспокоилась о сюртуке, если бы ты пострадала? Ты же единственная, кто может носить его!

Куинси рассмеялась и взяла на руки серого кота, мурлыкавшего у ее ног.

– По крайней мере, Сэр Эмброуз беспокоится за меня, – сказала она, погладив кота по голове. – Правда, Эмброуз? Наверное, ты и сегодня поймал крысу себе на обед?

Кот потерся носом о ее подбородок и снова замурлыкал.

– Расскажи нам, что случилось, дорогая, – попросила бабушка.

– Ничего особенного. – Куинси пожала плечами. – Просто один из слуг споткнулся на лестнице и свалил меня. А этот слуга... он очень высокий и широкоплечий. Но лорд Синклер все равно сегодня чувствовал себя плохо, так что он отослал меня домой.

– О, как романтично! – Мел прижала руки к груди. – А граф красивый? Скажи, он не удержит эти полдня из твоего жалованья?

– Нет, уверена, что он чувствует ответственность за случившееся, хотя это не его вина. – Куинси опустила кота на пол и повернулась к сестре. – Что же касается красоты, то полагаю, что лорд Синклер довольно привлекательный.

Бабушка искоса взглянула на Куинси:

– А где твои очки?

– О, лорд Синклер случайно положил их в карман своего халата. Я вышла из комнаты, чтобы доктор не мог осмотреть меня, и забыла забрать их.

Бабушка подошла к столу и усадила старшую внучку рядом с собой.

– А теперь расскажи, о чем ты умолчала, – тихо сказала она.

Куинси вздохнула. Сэр Эмброуз запрыгнул к ней на колени и уютно устроился там.

– Когда слуга свалился на меня, я ударилась головой и ненадолго потеряла сознание. Лорд Синклер послал за доктором, чтобы убедиться, что мы не пострадали. Пока он осматривал Томпсона, я вышла из комнаты. Вот и все.

– Хм... И у графа остались твои очки? Это нехорошо. – Бабушка начала барабанить пальцами по столу. – Ты сказала, он сегодня плохо себя чувствует?

– Он страдает от полученной на войне раны, которая все еще сильно болит. Из-за этого он иногда становится... словно медведь с больной лапой. Дворецкий говорит, что он чувствует себя хуже, когда погода сырая и холодная. Думаю, я привыкну к этому, как и все остальные в доме.

– Хм... – Бабушка взяла Куинси за руки. – А может, служба у Синклера тебе в тягость? Куинси покачала головой:

– Нет-нет, совсем не в тягость. Я бы даже сказала, что мне эта работа нравится.

Бабушка прищурилась и пристально посмотрела на внучку.

– А может, ты начинаешь симпатизировать графу, а?

– Конечно, нет! – притворно возмутилась Куинси. – Но мне действительно нравится работать на него. Обычно он очень любезен.

– Как знаешь, *ma chérie*. – Бабушка улыбнулась ей и снова принялась за шитье.

Глава 7

– Ложитесь, милорд, и я вотру еще мази в вашу ногу.

– Проклятие, Бродерик, забудь про мазь, – проворчал граф. – Где бренди?

Синклер рухнул на постель и почувствовал, как что-то кольнуло его в бок. Он сунул руку в карман халата и вытащил очки Куинси. Оправа была безнадежно испорчена, но правая линза уцелела.

Тут Бродерик подал ему стакан с бренди, потом спросил:

– Так как насчет мази, милорд?

– Ладно, согласен.

Бродерик стал втирать ему в ногу мазь. Синклер же, осушив стакан, посмотрел сквозь очки на узор на обоях и с удивлением пробормотал:

– Это же обычное стекло.

– Что вы сказали, милорд?

– Налей мне еще один стакан, – ответил Синклер. Он внимательно осмотрел очки и усмехнулся. Да, конечно же, Куинси совершенно не нуждалась в очках, а это стекло – просто часть обмана.

Синклер вдруг вспомнил, как осматривал Куинси у окна в библиотеке, и тихо вздохнул. Разумеется, он сразу понял, что с ней все в порядке, но ему так нравилось вдыхать ее аромат и так нравилось к ней прикасаться...

– Как ты себя чувствуешь, дорогой?

Синклер поспешно набросил одеяло, на колени и сунул очки в карман.

– Мама, даже у слуг хватает вежливости стучать, прежде чем войти в мою спальню.

– Да, я знаю. Но иногда мое единственное развлечение за день – это смущать тебя.

Леди Синклер села на кровать и с ласковой улыбкой убрала прядь волос со лба сына.

– Но ведь сегодня не такой день? – Граф поправил одеяло и выпрямился. – Бродерик, не забудь закрыть дверь, когда выйдешь.

– Да, милорд.

Леди Синклер облокотилась о столбик кровати.

– Если бы у тебя была жена, она могла бы заботиться о тебе вместо Бродерика. – Мать похлопала сына по колену. – Разве ты не предпочел бы, чтобы тебя массировала красивая молодая женщина?

– Мама! – Он отстранил ее руку. – Пожалуйста, и только не сегодня! У меня и так достаточно забот...

– Ах да, конечно! Бедняга Томпсон... И Куинси! Такой милый молодой человек. Не понимаю, почему на них напали?

В комнату заглянул Харпер:

– Милорд, Элиот вернулся.

– Хорошо, пришли его сюда.

Граф поцеловал мать в щеку и сказал:

– Не думаю, что кто-то намеренно напал на Куинси. В конце концов, он был в моей карете.

Леди Синклер покачала головой:

– Все-таки я ничего не понимаю.

Синклер взял мать за руку:

– Видишь ли, Куинси обнаружил противоречия в бухгалтерских книгах. Оказывается, Джонсон обворовывал меня. И Куинси пытался выяснить, куда уходили деньги. Разумеется, этот инцидент – всего лишь случайность. Полагаю, что Куинси и Томпсону просто не повезло.

– Да, возможно. – Леди Синклер вздохнула. – Знаешь, мне никогда не нравился Джонсон, и я очень рада, что он, наконец, от нас ушел.

Тут раздался стук в дверь, и в комнату вошел Элиот.

– Ты отвез Куинси домой?

– Да, сэр. – Кучер ухмыльнулся. – На лестнице он встретил очаровательную девушку с косичками, и они под ручку пошли наверх. Прошу прощения, миледи.

Леди Синклер кивнула:

– Спасибо, Элиот. Это все.

Когда кучер вышел, Синклер взялся за пояс своего халата, намереваясь переодеться.

– Дорогой, ты дашь мне знать, если я чем-то смогу помочь?

– Конечно, мама.

Она поцеловала сына в лоб.

– Постарайся отдохнуть, мой милый. И не будь таким упрямым. Миссис Хаммонд предсказывает, что завтра будет солнце.

Оставшись один, Синклер снова достал из кармана сломанные очки Куинси. «Такой милый молодой человек», – звучали в его ушах слова матери.

Но почему же Куинси нанялась на должность секретаря, да еще под видом мужчины? Этот вопрос терзал его уже целую неделю. Может, ей надо поддержать младшую сестру? Интересно, как долго она намерена продолжать эту игру?

И как долго он сможет играть свою роль?

Несколько раз он чуть не выдал их обоих. Если бы кто-то открыл дверь в библиотеку, когда он обнимал Куинси... В таком случае всё в его жизни изменилось бы. Ему пришлось бы признать, что он скомпрометировал мисс Куинси, и они были бы вынуждены пожениться. Но жениться на Куинси – это ведь скандал, не так ли? Что ж, даже если и так, он не считал бы подобный брак тяжкой повинностью. А вот Куинси такой исход, наверное, не очень понравился бы. Впрочем, сейчас следовало подумать совсем о другом. Вероятно, надо нанять сыщиков, чтобы те осмотрели доки и произвели расследование. Ведь не исключено, что на Куинси и Томпсона напали не случайно...

На следующее утро действительно сияло солнце, и нога уже не болела.

– Как мы чувствуем себя сегодня утром, милорд? – осведомился Бродерик.

– Тебе обязательно надо спрашивать об этом каждый день? – проворчал Синклер, медленно приподнимаясь в постели.

Бродерик ухмыльнулся в ответ:

– Вижу, что сегодня вам гораздо лучше, милорд. Что ж, очень хорошо. – Он отвернулся и занялся бритвенными принадлежностями, что-то бормоча себе под нос.

Час спустя, уже выбритый и тщательно одетый, граф переступил порог библиотеки.

– Что, Куинси, каталогизируете грехи Джонсона. А?

– Да, милорд. Доброе утро, милорд.

Куинси поправила пузырек с чернилами, который едва не опрокинула. Она приводила в порядок бумаги на столе, искоса поглядывая на графа и тщетно пытаясь не думать об их вчерашнем объятии. Сегодня утром он выглядел очаровательным, как и раньше. Даже синяки под глазами исчезли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.